DNI
HEBDOMADAIRE
RUSSE

N° 9
4
NOVEMBRE
1928
Prix 2 francs
en France

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

PARIS 9BIS, RUE VINEUSE. TÉLÉPHONE : PASSY 89-61

N° 9

4
НОЯБРЯ
1928
Цена 2 фр.
во Франции

Edouard SCHNEEBERG & ses Fils

dirigent eux-mêmes leur entreprise de

FUNERAILLES ET SEPULTURES:

Direction — Paris, 43, rue de la Victoire (9e)

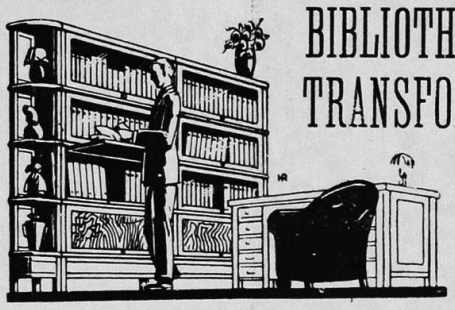
6 lignes Trudaine 88-56 et la suite (Service de nuit)

SUCCURSALES :

52, Boulevard Edgar-Quinet (14), Danton 64-51
43, Boulevard Ménilmontant, Roquette 39-31
4, Avenue du Cimetière, Pantin, Comb. 06-22
157, Avenue Jean-Jaurès, (19), Nord 02-23
14, Rue du Repos (20), Roquette 87-23
VIRE (Calvados) T. 125

Maison de confiance — Tarif officiel —
Grand-Prix Arts Décoratifs, Paris 1925

КНИЖНЫЕ ШКАФЫ M. D.



BIBLIOTHEQUES EXTENSIBLES ET TRANSFORMABLES a tous moments

Книжные шкафы **M.D.** растут по мере увеличения Вашей библиотеки. Устанавливаются где угодно. Занимают minimum места и вмещают maximum книг.
(Полный каталог № 70 со всеми ценами высылается бесплатно).
Bibliotheque M. D. Tél.: Littré 11-28
9, rue de Villersexel, Paris VII.

BRASSERIE RESTAURANT

כשר

UNIQUE

A PARIS

FLAMBAUM

37, F-g Montmartre
Tél. : Provence 70-93

Фермы, имения, хозяйства, дачи, дома, участки

ИЗЪ ПЕРВЫХ РУК
Обращаться: BORIS ARCHITECTE
35, Bd Haussmann.
Tél. : Louvre 65-89

Максим Блюменфельд

ПРИСЯЖНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК
при Сенском Трибунале
98, Bd Richard-Lenoir, Paris (11e)
(Tél. : Roquette 58-73.
Métro : Oberkamp)
Ежедневно 9 — 2 ч.

Александра Александровича, Марию Викторовну, Леку, Галю и Витю Грешнер, живших в 1918 году в Бежице, Орловской губернии разыскивает
S. Greschner, 3, rue Alex. Parodi. Paris X.
Всех могущ. дать сведения умоляю написать.

Д-р И. Г. Шейнер

Внутренние и желудочно-кишечные болезни.
Прием от 4 с пол. до 6 ч. вечера
Tél. : Auteuil, 68-21.
156, Av. de Versailles.

НОВАЯ КНИГА
изданная по новой русской орфографии:

1918 — 1928 г. юбилейная книжка **„ЧЕХО-СЛОВАКИЯ“** 1918 — 1928 г. юбилейная книжка
ПРАГА

Редакция И. Долина. — Книга выходит другим изданием. — Цена 6 Кч. — Для книжных магазинов и коммиссионеров скидка. —
Русско-чешский книжный склад в Праге, Брно, Братиславе —Мор. Остраве.

Д-р медицины

Н. А. Гольденштейн

ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ.
Прием ежедневно от 3 до 5 час.
55, rue Sts Pères. Tél. Littré 26-43
Летом принимает в *Vichy* 26, rue Petillat.
Tél. 32-29

Ресторан и винно-гастрономическій магазин „СЛАВА“

11, rue Tournefort, (возле Пантеона).
Первоклассная кухня. Завтраки и обеды.
Фаршированная рыба.
Молочные блюда.
Простокваша. Варенец.
Prix-Fixe 6 фр. et à la carte.
По абонем. — скидка.
Горячие блюда в течение всего дня.
Автобусы: A и S.

ПОРТНОЙ

Б. З. Рукин

24, rue du Faubourg Montmartre, 24.
Téléphone: Provence 37-59

(раньше: Киев, Николаевская 3)
доводит до сведения русской колонии и особенно киевлян, которым фирма моя была известна, как одна из лучших,
что мною открыт
ПРИЕМ ЗАКАЗОВ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК под редакцией А. Ф КЕРЕНСКОГО.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
9-bis, RUE VINEUSE, PARIS (XVI)
ТЕЛЕФОН: PASSY 89-61

№ 9 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4-го НОЯБРЯ 1928 г. № 9

Содержание:

А. Керенский: Голос издалека (Черная годовщина; надломленные души; старые долги).

Х. У.: Наблюдения спеца.

Что произошло в Московской организации ВКП?

Из России пишут: 1) Хлебные запасы исчерпаны; 2) «Классовый курс» на Украине (письмо из Киева); 3) Опасный лозунг; 4) Калужская передряга; 5) На рудниках.

Поход на «правый уклон»

Москвич.: Несколько слов по поводу статьи «Ответ капитала».

Экзаменационный подлог

Русская жизнь в анекдотах

Кремль и иностранцы: (Англия, СССР и мусульманское движение; французские отклики на новую концессионную политику; «национальная» позиция)

А. Потресов: Из мира рабочего движения и социализма (забастовка в Лодзи; революционная гимнастика коммунистов и перспектива локаутов в Германии).

А. Марков: Как реализуется новый заем?

Там и здесь: («Химизация» сельского хозяйства; финансирование промышленности).

Листок литературы и искусства: (при закрытых дверях; слабость человеческая; Ефим Зозуля; биография придворного поэта).

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

24. Черная годовщина

В двенадцатый год своего существования большевистское самодержавие вступает под знаком кукурузного хлеба для «диктаторствующего» пролетариата.

Жесточайший хлебный и вообще продовольственный голод в городах до последнего, можно сказать, часа объяснялся в Москве кулацкими кознями.

Но в одном из последних под председательством Хинчука собраний комитета снабжения промышленных районов пришлось оффициально удостоверить чрезвычайный «недород» (голод) на Украине и на северном Кавказе, т. е. в областях, производящих хлеб. Сокращение посевов в остальной России под давлением нелепо-жестокой податной политики Кремля, отсутствие в деревне нужных ей промышленных товаров, низкие казенные цены на хлеб, — все это завершает действительно юбилейную картину глубочайшего **и в современных условиях России неразрешимого продовольственного кризиса.**

Впрочем, продовольственный тупик является только знамением другого, коренного тупика: взрыва мирных отношений между городом и деревней, или правильнее — между большевистской властью и мужиком.

Недавно в «Правде» сам Яока на покое от заплечных дел находящийся, почетный палач Лацис признал: «каждый день приносит нам сообщение то об убийстве председателя сельсовета, то об убийстве селькора, то о поджоге колхоза». По подсчету «Крестьянской газеты», низовой, деревенский террор вырос за год **в два раза,** нося при этом «отчетливо и ярко выраженный политический характер».

Этой ярко-выраженной ненависти деревни к Кремлю последний отвечает тем же. В сталинских кругах окончательно победила троцкая линия: мелко-буржуазная деревенская стихия вся целиком, как таковая, признана несовместимой с «диктатурой пролетариата». Отсюда новая внутри-партийная драка сталинцев с «Ивановичами», сторонниками худого мира с мужиком. Отсюда бессмысленное мечтание усиленным насаждением колхозов и совхозов **(новых поместий с новыми помещиками)** освободить власть от всякой зависимости от деревни.

— Тогда мы ей покажем. Тогда мы с мужиком справимся. Только бы выдержать эти переходные годы, — подбадривают себя, сжимая кулаки, кремлевские самодержцы.

Распыленное мелкое крестьянское хозяйство, — вторят начальству законопослушные из марксистов спецы, — не может прокормить хлебом государство. А на казенные хлебные фабрики при нынешнем оскудении казны едва-ли найдутся во-время нужные миллиарды. Отсюда, осторожные пока, но очень определенные предложения иностранным капиталистам сельско-хозяйственных концессий.

Из за «социалистической» хлебной фабрики явственно начинают вырисовываться черты перекроенного на новый лад старого дворянского имения. Иллюминации колхозов и совхозов„ г. Лацис, затеи, пожалуй, не столь, как вы думаете, кулацкие, сколь средняцкие и даже бедняцкие.

«Мир хижинам — война дворцам». Вероятно и в Кремле ради юбилея вспомнят об этом когда-то модном на большевистских верхах лозунге. Сейчас, этот «революционный» клич звучит в России иначе:

— **Война деревенским хижинам — мир дворцам концессионеров.**

Причем мира с дворцами иностранных капиталистов в особенности хотят не впавшие в правый уклон партийцы, а именно блюстители «твердой ленинской линии» — сталинцы с троцкистами.

Это и понятно. Денег в казне нет. Где их взять? В самой России? **Но для этого нужно прежде всего примириться с ней, вернуть народу право на свободный труд, отказаться от грабежа излишков деревни. Способ этот добыть денег в казну не хитрый, но он требует отказа от диктатуры, он связан с политическим раскрепощением страны, он обязует красное самодержавие сдать, — хотя бы на тормазах, — власть подлинным, настоящим крестьянам и рабочим.**

Управляя Россией, по словам самого Сталина, как англичане правят в цветных колониях, диктаторы по

добру ни денег, ни хлеба извнутри самой России не получат. Подчиняя своим партийным целям Россию, а не России свои партийные вожделения, сталинцы остаются при одном: при старой программе Троцкого — спешном разбазаривании России на иностранном капиталистическом рынке на предмет скорейшей ее пролетаризации и индустриализации.

Совхозы с колхозами освободят пролетарскую «диктатуру» от зависимости от мелко-буржуазной деревни. Днепрострой с прочими Волховстроями электрифицирует «социализированную» промышленность. Концессионеры за сверх-прибыли снабдят Кремль всяческой ныне отсутствующей валютой. И тогда среди заброшенных, в собственном навозе догнивающих деревень, среди вымирающего и брошенного на произвол судьбы городского мещанства расцветет пышным цветом новое обобществленное государство нового коммунистического дворянства.

В таком сгущенном виде мечтания сталинцев на двенадцатом году ленинского опыта представляются совершенной нелепицей. **Однако, можно уверенно утверждать, что существо «государственных» строительных планов наших диктаторов именно таково.**

Для осуществления «твердой ленинской линии» не хватает малого.

Нет валюты и не имеется щедрых иностранцев, жаждущих возложить свои капиталы на алтарь коммунистических достижений.

Нет хлеба и не предвидится, за отсутствием денег, буркый рост совхозо-строительства.

Нет промтоваров и производительность труда неуклонно падает.

Никогда еще в новый год Октября не вступала Россия в таком отчаянии, озлобленности и нищете.

Раз пережить время военного коммунизма (стопроцентного ленинизма) было можно, — вернуться к нему невозможно. Тогда впереди был еще неиспытанный, неисжитый нэп, теперь он сзади, пережитый и со всех сторон переиспытанный.

Пока борьба шла внутри нэпа — была внутри-партийная борьба.

Теперь, пережив еще одну черную годовщину октябрьской реакции, страна начинает борьбу с самим нэпом за новую экономическую систему **свободного хозяйствования.** Теперь внутрипартийная борьба должна превратиться, и уже превращается, в борьбу между партиями, между новым партийным дворянством с одной стороны, и крестьянами и рабочими с другой.

Правая оппозиция «Ивановичей» уже отражает в партии внепартийные народные требования. Я не думаю, что правые партийцы уже сейчас, как сообщают иностранные газеты, требуют не только раскрепощения хозяйственного деревни, но и свободы политической для всех, в частности, свободы печати. **Но что именно эти политические требования бродят, может быть, еще недостаточно сознанные, в народной, измученной произволом власти, толще, — в этом я не сомневаюсь.**

Кто бы ни пришел на смену Сталину в Кремле, новой власти придется обязательно съузить границы самовластия и расширить права подвластных. Политические режимы сменяют друг друга по закону противоречия, а не сходства. В этом, вероятно, скорее, чем думают, убедятся все маловеры, все разочаровавшиеся в способности к свободе русского народа.

В грядущей борьбе с диктатурой хозяйственные требования будут обязательно переплетены с политическими домогательствами.

Свобода печати и тайное голосование на выборах станут рядом с свободой торговли и хозяйственным раскрепощением деревни.

25. Надломленные души

Наблюдения спеца, которые печатаются ниже, читаются с захватывающим интересом. Перед нами Россия, наблюдаемая почти что из кремлевского окошка, перед нами и сам наблюдающий. Точнее сказать: мы видим Россию духовным зрением человека, во имя блага своей родины служащего ее разрушителям. Для того,

Наблюдения спеца

... Как всегда, приходится начать с оговорок. Выводов окончательных я не делаю, не решаюсь и не смею делать. Слишком ограничен — неполон и случаен — круг наблюдений. Он ограничен местом и временем, длительностью и «сезонностью». Лучше говорить лишь о впечатлениях, нежели о выводах или обобщениях.

Первым, и потому, может быть, наиболее сильным и определяющим, было впечатление — *неожиданности*. Я предполагал встретить уныние и тоску, обтрепанную и голодную толпу. А нашел бодрость, радость, главное — необычайный *интерес к жизни*. Может быть, это объясняется летним временем, — но и толпа на улице и в театре вовсе не выглядит обшарпанной. Платье простое и грубое, часто неуклюжее и с заплатами. Но чистое и целое. Нет нигде картузов. Всюду кэпка и толстовка. Нет — или мало — женских платков. Подмосковные бабы — простоволосые. Есть среди них стриженые, «бубикопф»...

... Вообще, *все необычайно сложно, противоречиво, не поддается упрощенной передаче*. О многом даже сразу не скажешь, — хорошо это или плохо.

Возьмите молодое поколение. Оно безидейно. Не увлекается и даже не интересуется тем, чем в свое время увлекались мы. Оно стало ловким, цепким, энергичным, спортивным, не перестав быть милым. Появился практицизм, карьеризм, обостренный вкус к жизни и приближение к ней. Вхождение в комсомол — не всегда только карьеризм. Оно вызывается повышенной активностью, желанием действенно вложиться в жизнь страны, сознанием, что вне комсомола нет никакой возможности проявить таящиеся в молодежи и рвущиеся наружу силы. В тяжелую трудовую жизнь входят уже сызмальства. Это, конечно, отражается на *характере* культуры. Может быть, понижает ее тип, зато повышает ее степень и напряженность.

О жизни в Европе имеют очень смутное представление. Не только комсомольцы не знают и не верят, что в Европе коммунистические партии существуют легально, что в Германии, во Франции, в Англии выходит легально множество коммунистических газет и журналов. Этого не знают и этому не хотят верить и многие весьма зрелые и ответственные коммунисты.

Отрицательное, можно сказать, бросается в глаза. Ноют, недовольны, раздражены. Раздражены не столько коммунистической системой, сколько коммунистами, стоящими у власти, — неопределенностью их политики, неустойчивостью положения, явным нарушением возвещенного «всерьез и надолго». В выражениях не стесняются ни в деревне, ни в городе, ни в частных разговорах, ни в публичных местах. Я сам слышал поношения и прямые проклятия по адресу власти в очередях и в частных квартирах, даже при открытых окнах. Мне передавали слова рабочего у тюрьмы при передаче: «Погодите, эта мостовая еще красной будет!».. Однако, «выражаются» все больше в одиночку. Чтобы проявить свои чувства даже по трое «не скопляются»...

Три рода явлений сейчас непомерно осложняют положение...

Прежде всего: — Шахтинский процесс, *уменьшивший, по большевистским данным, на девять процентов общую производительность*. Во время процесса в Донбассе приходи-

чтобы меньше удивляться черезчур бодрым выводам нашего наблюдателя, следует помнить, что писал он свои наблюдения еще **до** начала осеннего продовольственного кризиса.

Но главный источник его бодрости, твердой веры в будущее, лежит, конечно, гораздо глубже. Этот источник — **в ощущении назревающей не только хозяйственной, но и политической силы новой России, —** России трудовой, трудящейся, главным образом, — крестьянской. Мужик почувствовал свою силу. **Мужик знает, что большевик пройдет, а он останется.** В росте чувство права на власть в деревне вместе с ростом ее благосостояния наблюдающий спец видит и первейший залог грядущей, «не скорой, но зато **устойчивой перемены».**

Не буду сейчас спорить о том, — свидетельствует ли исчезновение хлеба в России о росте благосостояния деревни. Вопрос этот, во всяком случае, спорный.

Еще более спорны, конечно, утверждения спеца об «экономических достижениях» большевиков, «благие результаты» которых неоспоримы. Нефть не доказательство, ибо упорядочение ее добычи «дестижение» технически самое легкое. О недостатках весьма серьезных «Днепростроя» автор наблюдений мог бы прочесть весьма интересные строки в казенном «Экономическом Обозрении». А «стопроцентное достижение» в производстве сельско-хозяйственных орудий уничтожается практической негодностью советских плугов, отчего они, заваливая склады, и не продвигаются в деревню. Об успехах же химической промышленности следует говорить, учитывая также и сделанные в германской печати по этому поводу разоблачения. И тогда, принимая во внимание все сделанные мною оговорки, к найденным нашим наблюдателем положительным явлениям в казенной промышленности придется отнестись с чрезвычайной сдержанностью.

Если же к этому добавить **чрезвычайную дороговизну,** исключительную убыточность для народного хозяйства казенных промышленных достижений, то невольно возникает вопрос: **содействовали ли** эти достижения бережению России и русского народного хозяйства, или наоборот, их разбазариванию и расхищению?..

Я ставлю этот вопрос в упор спецу наблюдателю, ибо он всю свою работу в советском аппарате объясняет своим **консервативным патриотизмом.** — «Никто не хочет, боится, — **не только за себя, но и за Россию, —** новой революции. Не верят в свои силы и не видят чужих. **Бережение России и русского народного хозяйства стало высшей целью, вытеснило все другие ценности и святыни».**

В этих коротких фразах спецу наблюдателю **удалось превосходно выразить** подлинную, душевную настроенность всей армии русских культурных работников, всей русской интеллигенции, не за страх, а за совесть работающей в аппарате «советского государства».

Скажу прямо и ясно: в такой душевной настроенности я **не** вижу ничего ни большевизанского, ни тем более преступного. В такой психологии **нет** еще никакой измены ни своему прошлому — революционному, демократическому, ни интересам самой России. В особенности такая психология была понятна и законна в первое время после нэпа, когда сочетание ленинизма с бережением России представлялось вполне возможным весьма многим и не было еще проверено жестокой практикой последних лет.

Теперь итоги «бережения России» в порядке сталинской государственности у всех налицо; в том числе — и у всех наблюдающих и не наблюдающих спецов.

Нет валюты.
Нет денег.
Нет хлеба.
Нет промтоваров.
Есть голод.
Есть нищета.
Есть звериный антисемитизм.
Есть сепаратизм, проникающий уже внутрь **Курской** губернии.

Наблюдающий спец видит все разрушающее Россию, но он утешает себя, как и подобает **кающемуся**

лось спасать и защищать инженеров от вражды и шантажа рабочих. Коммунисты сами испугались получившегося эффекта. Два других процесса, затеянных по шахтинскому образцу в других отраслях промышленности *приглушены.* Тем не менее спецы напуганы и обозлены. Отказываются «даже гвоздь вбивать без своего коммуниста»... А «свой коммунист» при общей неопределенности политики тоже не всегда знает, что надо делать — «ложиться спать или вставать», — вбивать гвоздь или лучше подождать...

Наши спецы инстинктивно усвоили мудрость бюрократии старого режима. Они сознательно отказались от критики «предначертаний» власти. И спецы только исполняют. Принимают к руководству послушно и добросовестно, логически развивая из не-своих, иногда с их точки зрения совершенно вредных, предпосылок те выводы и последствия, которые в этом направлении следуют в интересах максимального бережения и подъема народного хозяйства. В последнее время, правда, и сверх-лойяльные спецы, психологически уже сжившиеся с коммунистической властью, начали опять отчаиваться.

Все настойчивее проявляется тенденция заменить на всех более или менее ответственных и «командных» должностях *чужих,* хотя бы талантливых и добросовестных, *своими,* хотя бы и явно тупыми и бесчестными. В армии этот процесс почти уже закончен. Образовался даже сверх-комплект «своих» не у должности. Излишек краскомов перебрасывается на хозяйственный фронт. И там они продолжают применять навыки, усвоенные на военной службе, — пробуют командовать и над хозяйственными процессами.

У спецов полная неуверенность в своем завтрашнем дне. Их могут в любой момент вычистить за «общим сокращением», в результате «рационализации труда», для освобождения должности партийцу. В два счета выкидывают за чужие грехи, даже за чужую похвалу... Достаточно Милюкову похвалить публично кого-нибудь из не-коммунистов, чтобы их тотчас же взяли под подозрение и сократили их «вредительскую» деятельность. Тому есть конкретные примеры. Несколько месяцев тому назад был составлен список из 81 спеца, намеченных к высылке в Нарым и Туруханск. Проект этот не получил одобрения в ЦК. Во всяком случае, *эмигрантская печать должна учитывать, что ее безответственная и платоническая похвала здесь фактически компрометирует и осуждает на бездеятельность или полную ликвидацию там как раз тех лиц или те дела, которые, с точки зрения этой печати, являются для России благодетельными.*

Второе препятствие — так называемая индустриализация и антикулацкая политика власти. Не давая удовлетворения спросу на промтовары, она бьет не столько по настоящим паразитам и эксплоататорам, сколько по посредникам и мелким промышленникам, осуществляющим в условиях СССР полезную для народного хозяйства функцию. По приблизительным подсчетам, — если считать во всем Союзе около миллиона всех нэпманов с капиталом у каждого всего в тысячу рублей, и то получится миллиард, который до новейшей политики осуществлял полезную работу. Теперь же он это свойство утратил. Миллиард не только исчез из оборота. *Он изменил свою природу. Из полезного и рабочего он стал вредительским и спекулятивным.* Как только нэпманы почувствовали нажим, они стали напирать на рынок, закупать непортящиеся и неутеряющие в цене товары, прежде всего, конечно, — зерно.

интеллигенту, самоуничижением. Пусть смыта старая культура, пусть порвана культурная преемственность между поколениями, пусть страдают и гибнут «десять миллионов» культурной надстройки. Пусть!

Зато, **опрощаясь, культура подымает наверх,** «европеизирует и социализирует» сто сорок миллионов почвенной, низовой российской народной толщи. — «Если прожиточный минимум на душу подымется с довоенных 136-ти рублей до 250-ти, — то история может и оправдать большевиков, что бы о них ни говорили и как бы жестоко ни осуждали».

Во-первых, прожиточный минимум до сих пор при большевиках идет **к низу.** А во-вторых, если бы он даже шел вверх, то все-таки история ни одного из злодеяний большевиков никогда не оправдала бы. **Ибо хула на свободу никогда еще не была ею оправдана.** Самоуспокоительные же разговоры о ростущем «прожиточном минимуме» как будто выхвачены из страшных прозрений Достоевского. Чем, правда, социализм большевиков без свободы лучше христианства Великого Инквизитора без Христа?!.

Нет христианства без Христа; нет социализма без свободы.

Прямо кощунственно звучат ссылки наблюдающего спеца на Запад, где будто бы тоже, — и даже в стране «классической демократии — Англии — поднят вопрос о «социализме в наше время», о невозможности «социалистического преобразования на путях и средствами одной формальной демократии».

Средствами **одной** формальной демократии — не значит, ведь, **без** демократии. Здесь, на Западе, **азбукой** всего социального освободительного движения считается положение: политическая демократия преддверие к демократии социальной.

Московский же спец наблюдатель, утверждая: «ни наше, ни следующее за нами поколение, вероятно, не увидит никаких свобод, даже, казалось бы, самой элементарной — свободы печати», — осмеливается думать, что **«такой** ценой и, может быть, только такой ценой, Россия идет к европеизации и социализации».

Такой ценой до сих пор Россия как раз от европеизации **шла только к варваризации.**

Такой ценой большевистское самовластие может только перевернуться в какую нибудь другую форму политической реакции.

Такой ценой рабочие и крестьяне неизбежно дождутся себе на шею новых еще более жестоких, чем большевики, эксплоататоров.

Уже сейчас, благодаря чрезмерному обнищанию государства, **зависимость России от международного капитала стала гораздо большей, чем это было в 1917-м году, перед** большевистским реакционным переворотом.

Никому не нужна политическая свобода для защиты своих социальных интересов в такой степени, как рабочим и крестьянам.

Только души, больно ушибленные большевистским террором, победой Октября, могут потерять ощущение **незазрывной** связи между социальным освобождением и политической свободой.

Кстати, любопытное совпадение. Н. А. Бердяев только что делал в Париже доклад о настроениях русской зарубежной молодежи. Оказывается, что у той русской молодежи (иногда 40-летнего возраста), которая воспитана на белых идеях, ушиблена белым террором, к свободе **тоже** нет никакого вкуса. Некоторые из них не чужды даже новых социальных настроений, сочетая иногда **монархизм с коллективизмом.** Однако, всего этого они хотят достигнуть сомкнутым строем, в порядке дисциплины, в подчинении старшим, без рассуждений.

Интересно, как бы заговорил наблюдающий спец, если бы, **сменив** большевиков, стали в Москве насаждать «коллективизм» в порядке «национальной дисциплины» возрастные юноши из зарубежного запаса?

26. Старые долги

Только что образовался международный союз всех кредиторов русской казны. Правые, «национально-мыслящие», зарубежные русские газеты по этому поводу ликуют. По моему, повод выбран совершенно **неудачно.**

Миллиард был зарыт в землю. Хлебозаготовки и снабжение от этого только осложнились.

Третьим препятствием является валютный кризис. По подсчету наших спецов, — никто точно не знает, — из миллиарда с лишком золота, собравшегося в советской казне после отобрания запаса казны у Колчака, сейчас не осталось почти ничего. Каждый год коммунистической власти обходился около 100 миллионов золотых рублей. Часть золота депонирована в иностранных банках. Считайте, много ли могло остаться? А в январе-феврале предстоит крупный платеж по германскому 300-миллионному (в марках) займу. Чем платить? Отсюда и политика — *недоесть, но вывезти.* А поскольку вывозить нечего, — распродажа музейных и иных сокровищ, ценность коих исчисляется в 3 миллиарда (три тысячи миллионов) рублей!..

Борьба между правыми и левыми коммунистами продолжается. О деревне говорят, что она верит уже «не в Ильича, а в Иваныча», ждет спасения от «трех Иванычей»: Михаила Ивановича (Калинина), Алексея Ивановича (Рыкова), и Николая Ивановича (Смирнова, бывшего наркомзема, замещенного нынешним Кубяком)... Тогда как «левый» Сталин не пропускает ни одного не-сталинца даже в уездные и городские парткомы, обеспечивая тем самым одобрение своей линии на всех партийных съездах и конференциях, «правые», можно сказать, обречены на неуспех за отсутствием у них волевого лидера. Им бы мог быть Сокольников, которого считают и волевым и умным и деловым, но он безнадежно скомпрометирован в коммунистической серде двойным предательством: перелетом от правых к левому Леве (Троцкому), закончившимся принесением покаянной.

Нет определенности не только в экономической политике, но и во всякой другой. С одной стороны, пропаганда безбожничества и насилия над церковнослужителями. Без всяких стеснений, в целях простого облегчения уличного движения сносят церкви. (В Москве острят в связи с острым кризисом кирпича, что снос перквей это —

Производство кирпича
По системе Ильича)...

А с другой стороны, открыто ведется и властью терпится, — значит, допускается, — религиозная пропаганда, устная и даже письменная, всякие воззвания и листовки. Церкви полны. Колокольный звон неумолчно стоит над Москвой. Власть всячески сочувствует «живцам» в их борьбе с «тихоновцами». Но и против «тихоновцев» она менее ожесточена, чем против, не то что меньшевиков или эс-эров, но даже невинных танцоров фокс-тротта. Вообще танцы властью поощряются. Но только «старорежимные»: вальс, кадриль и т. п. Фокс-тротт или чарльстон признаны контр-революционными, как хореографический продукт «гнющего» буржуазного империализма. За фокс-тротт можно и под суд угодить и в далекой ссылке очутиться...

... Что окончательно или, по меньше мере, на десятилетия исчезло в России, это — былая *глубокая и почвенная* культура. Ей нельзя научиться и ее нельзя воссоздать ни в каком экстренном или ударном порядке. Никакие рабфаки или индивидуальная настойчивость и даровитость здесь делу не помогут. «Верхушечный» интеллигентский и культурный слой срезан, увял, не существует. И ему *смены нет.* Несмотря на обилие безработных среди интеллигенции и спецов, — «людей не хватает» даже для несложных задач. Сами коммунисты

Ни при каких условиях нельзя радоваться, а тем паче содействовать осложнению и отягчению вопроса о выплате Россией ее старых долгов. Утешать себя тем, что туго приходится большевикам — прямо неумно. Ведь объединившиеся сейчас кредиторы России предвидят переговоры не с большевистским только, а **со всяким** русским правительством. И потом: если **лишнее** будет взято с большевиков, то заплатят все-таки не они, а русское народное хозяйство.

Что же касается самих большевиков, то яростно нападая на новый «единый фронт», они, собственно говоря, **беспощадно секут самих себя.**

Им было совершенно ясно еще в Генуе и Гааге, что увильнуть вовсе от расплаты по старым обязательствам не удастся. Значит, нужно было **сразу признать непрерывность международных финансовых обязательств России** и тем открыть себе удобный путь к торгу о суммах, подлежащих выплате. Тогда можно было бы **довольно легко добиться весьма значительных сокращений** в сумме долгов.

Большевики предпочли идти другим путем. Раковский в франко-большевистских переговорах **согласился фактически выплачивать русский долг.** Он готов был на невыгодные для России размеры платежа, но под одним условием. Выплаты эти должны были быть **сокрыты** от русского общественного мнения. Суммы для погашения старых долгов должны были **приписываться** к платежам по новым кредитам и к ценам на вывозимые из Франции товары.

Два года назад г. Раковский предлагал Франции те **самые условия,** на которые только что согласилась одна нью-иоркская частная фирма — «Генеральная Электрическая Компания». Само собой разумеется, что **такой** способ покрытия старого долга, приемлемый для отдельной частной фирмы, оказался невозможным для целого государства. Франция от тайной выплаты российского долга отказалась.

И нынешний союз кредиторов — **естественное следствие большевистской демагогии в финансовой политике.** Следствия такой политики налицо: **исчезновение** в Москве иностранной валюты, **потеря** Россией кредитных рынков и **необходимость все-таки платить по старым долгам, но при самых тяжких международных и финансовых условиях.**

Нужно признать долги для того, чтобы уплатить наименьшую их сумму.

Тут большевикам следовало бы поучиться у... фашистов.

А. Керенский

Что произошло в московской организаци В.К.П.?

По частным сведениям, полученным нами из источника, близкого к внезапно возникшей в Москве «склоке», все произошло из-за применения нового принципа к нынешним перевыборам партийного аппарата.

Дело в том, что до сих пор партийные перевыборы производились обыкновенно «в порядке рекомендаций», т. е. каждый вышестоящий партком (вернее, бюро парткома) предлагал каждому ниже стоящему (т. е. общему собранию) кандидатов. Этих кандидатов и голосовали. При выборах на второстепенные должности кандидатов рекомендовало бюро того парткома, при котором эти должности существуют.

Схема, словом, существовала такая: бюро губкома «выбиралось» по рекомендации представителя центра, т. е. ЦК, бюро укомов выбиралось по рекомендации губкомов, бюро комячеек — по рекомендации укомов... Так по способу непрерывных рекомендаций составлялся партийный аппарат, всецело послушный генеральному секретарю Центрального Комитета...

После разных прений и споров, верхи партии согласились между собой нынешние перевыборы произвести «окончательно по способу партийной демократии», т. е. рекомендацию кандидатов упразднить совершенно. Каждому партийному избирательному собранию предоставлена была свобода намечать кандидатов из своей среды в порядке обычных пред-

---

на это жалуются. Некультурностью и «головотяпством» строителей объясняют и оправдывают неудачи социалистического строительства.

Я имею в виду не «культурных дикарей», по выражению Глеба Успенского, которых так много сейчас, не «чубаровцев», не деревенскую практику женитьбы «на время» для бесплатного «использования» рабочей силы в страду. Я говорю не об общем понижении образованности, даже грамотности и умственной дисциплины, которое обнаруживают кончающие семи- и девяти-летку. Я имею в виду исчезновение высшего культурного слоя. То, что от него осталось, ушло, вынуждено было уйти, — в исторические архивы или в чтение Диккенса и Теккерея для того, чтобы отвлечься от скорби и тягости российской жизни.

Никто не хочет, боится — не только за себя, но и за Россию, — новой революции. Не верят в свои силы и не видят чужих. *Бережение России и русского народного хозяйства стало высшей целью, вытеснило все другие ценности и святыни.*

Здесь, может быть, на наибольшей глубине то отрицательное, что имеется в России.

Но есть в ней отрадное и объективно-положительное, несмотря на субъективно-неприемлемое.

***

Я уже упоминал о молодежи. Она иная, чем была. Но она производит отрадное впечатление своей бодростью, живым интересом, уверенностью в себе. С самочувствием и впечатлением от молодежи можно сравнить только самочувствие — и впечатления — от крестьянства. Оно тоже стало иным, новым, сильно выросшим, твердо убежденным, что именно оно и есть «соль земли русской», которой суждено придти на смену коммунистам. Низы поднялись. Поднялись в бытовом отношении, экономически, социально, психологически. *Крестьянин, как и рабочий, ощущает себя господином положения;* некоторые рабочие — уже сегодня, некоторые крестьяне — завтра. Именно потому и вызывает такое раздражение коммунистическая власть, воспринимаемая как явление чужеродное, случайное и, конечно, временное.

Поднялось не только сознание и «самосознание» крестьянства, как важнейшего фактора в государственной жизни и грядущей исторической силы. Поднялось и экономическое его благосостояние.

Мужик стал больше «жрать». Это — общее место. Он и пить стал больше, особенно в последнее время, с отчаяния, от неопределенности того, что ждет его хозяйство. Улучшились и жилищные условия и рабочих и крестьян. Жилплощадь — источник пытки и мучения все-таки только для «верхушечных» слоев населения, качественно и количественно очень незначительных, но только в абсолютных цифрах, а не относительно и сравнительно. Пусть от перераспределения жилплощади потеряли 10 миллионов. Но 140 миллионов от этого выиграли или материально ничего не проиграли. Выиграли и в городах, выиграли и в деревне.

За исключением степной полосы, вся крестьянская Россия увеличила свои древесные и строительные запасы за счет барских усадьб и «ничьих» лесов по соседству. Пусть четыре пятых расхищенного бессмысленно погибло. Оно сгнило и погибло для народного богатства, в общей экономии страны. «Экономия» же отдельных крестьян в общем на одну пятую

ложений, вносимых участниками собрания. Мотивировка этого применения «демократии» была такая: надо, наконец, выяснить мнение партии, отнестись к ее коллективной воле с полным доверием. *Но смысл его теперь, когда вся эта «демократическая комбинация» взорвана, скрывать нечего: если бы удалось провести перевыборы, как предполагалось, положение Сталина, как генерального секретаря, было бы подорвано, а, может быть, и вовсе взорвано. По всем признакам, единомышленников у Сталина в партии осталось немного, и вся его диктатура держится на искусственном подборе аппарата.*

Соглашение относительно «демократических перевыборов» было скреплено «товарищеским словом» не препятствовать самоопределению партии и «соблюдать правила честной игры». Однако в начале сентября на пленуме Московского Комитета, при обсуждении вопроса о перевыборах, молотовская (т. е. по преимуществу сталинская) группа попыталась выдвинуть вопросы, самая постановка которых, несомненно, сводилась к нарушению правил честной игры. Вопросы эти такие: выборы, конечно, должны быть демократические, без рекомендации сверху, но нельзя же допустить, чтобы оказались избранными осужденные съездами оппозиционеры, — «у нас ведь есть, товарищи, например, троцкисты». — Говорилось при этом, главным образом, о троцкистах. И лишь мельком, мимоходом, упоминалось о «буржуазных прослойках» в партии, существующих независимо от троцкизма, несложившихся как фракционное течение, но тем не менее недопустимых...

МК и МКК руководятся лицами, подобранными фактически по рекомендации Сталина. Однако, и эти лица не решились нарушить достигнутое соглашение. Вопрос о троцкистах был явно неуместным: троцкист, если бы его и выбрали, подлежит устранению, как представитель течения, осужденного формально партийным съездом. Что же касается «буржуазной прослойки», «правого уклона» и т. д., то эти выражения слишком неопределенны. С известной точки зрения и в известном смысле весь июльский пленум ЦК и ЦКК, осудивший раскулачивание и повысивший заготовительные цены на зерно, может быть обвинен в правом уклоне. Точно также в известном смысле и с известной точки зрения такие видные члены партии, как Калинин, Рыков, Енукидзе, могут быть обвинены в зараженности буржуазными влияниями, однако партийные съезды облекли их высоким доверием. *Во всяком случае, вопрос об уклонах, лишающих члена партии права быть избранным в бюро, мог быть поставлен лишь ЦК. Но ЦК этого вопроса не ставил. И Московскому Комитету нельзя присваивать себе права центрального органа*

Особенных прений по этому поводу не было. Молотовцы не слишком настаивали. Вопросы, поднятые ими, были, как бы с согласия самих же молотовцев, сняты. Затем начались перевыборы. И они тоже протекали в общем довольно мирно. Но оказалось все-таки, что молотовцы действовали не зря. Вопросики, поставленные ими, естественно, дошли до генерального секретаря. Генеральный секретарь — кстати, только что вернувшийся из отпуска, — немедленно заострил и придал им исключительную важность. *Раз, два, три, — и готова директива: избранию не подлежат, как троцкисты, так и все те, в ком замечен «правый уклон». — «Позвольте, что такое правый уклон?...» — «Не рассуждать, такова директива центра». — «Позвольте, какого центра?» — «А вот, узнаете, — скоро будет опубликовано»...*

Понять ничего нельзя. Но смысл внезапно, из какого-то тумана преподанных директив, уже стал вполне ясен: «перевыборы демократические», но кандидаты, несогласные с указаниями Сталина, не подлежат голосованию. Когда я пишу это, — говорится в сообщении нашего информатора, — еще никто точно не знает, откуда и на каком основании последовал «закон, разъяснивший партийную демократию». *Но выводы из «внезапного закона» уже сделаны: на собраниях парторганизации никаких идеологий не развивать, принципов не касаться, высказываться только по деловым, конкретным вопросам, делать вид, что все со Сталиным согласны, никто против Сталина и в мыслях не имеет возражать. Время же высказаться о его способах «честно вести игру» и соблюдать «партийную демократию» настанет после перевыборов*

В сообщении этом, отправленном из Москвы 14-го октября, высказывается предположение, что «на удочку партийной демократии» Сталину удастся поймать не очень многих своих противников. Повидимому, так и случилось: пойманы не очень многие. Но кто пойман, с теми расправятся весьма круто...

похищенного все-таки обогатилась. Жилищные, как и продовольственные, условия русского крестьянства почти повсеместно улучшились. И не надо быть марксистом, чтобы поставить в связь земельное, жилищное и продовольственное его обогащение с подъемом и настроений в крестьянстве. Это сулит, правда, нескорую, но зато *устойчивую перемену.*

24-ый и 25-ый годы были зенитом экономического преуспеяния СССР. И не-коммунисты тогда усумнились в своем неверии в возможности хозяйственной политики коммунизма. И они стали допускать, что и монополия внешней торговли, и изолированность СССР, и экономическая его противопоставленность Европе и т. д., — все это вовсе не абсолютные препятствия для развития народно-хозяйственной жизни России. Так заметен был мощный подъем русского хозяйства. Сейчас вновь воскресают былые, до 24-го года, настроения. Но все же ряд экономических достижений отрицать и сейчас не приходится. Пусть многое достигнуто не слишком экономными средствами, но благие результаты достигнутого неоспоримы. Еще большее они сулят в будущем.

Не говоря о нефти, продукция коей сильно повысилась, — развилась и укрепилась химическая промышленность, писчебумажная, производство сельско-хозяйственных орудий. Россия уже не нуждается больше во ввозе бумаги, — валютной зависимости от Финляндии положен конец. В этом году уже в последний раз на иностранном рынке пополнен недостаток в плугах. С будущего года нужда в этом предмете будет на все сто процентов покрыта продукцией русских заводов. И в других отраслях промышленности с каждым годом все больше будут окупаться затраты на «сверх-индустриализацию», которые действительно были чрезмерно тяжелы и по сей день вызывают справедливое раздражение со стороны населения, налогоплательщиков и крестьянства. Скажутся скоро и плоды электрофикации. «Волховстрой» стоил непомерных расходов, а результатов не видать. Другое дело «Днепрострой», осуществленный на иных началах. Здесь не пожалели заплатить пятьсот тысяч рублей американским инженерам за консультацию, и в скором времени надо ждать пуска животворного электрического тока *по всей Украине.*

Нельзя одним черным цветом изображать и положение русской науки и культуры.

Необычайно расцвела и пользуется всеобщим вниманием и любовью реставрация старины; изыскание и промывка икон, картин, восстановление старых памятников, раскопка и извлечение на свет Божий и для общего обозрения затерявшихся в частных коллекциях, а иногда в течении столетий в дворцовых подвалах — ценнейших произведений искусства. Свои находки советская власть умеет демонстрировать, показать лицом. Конечно, она преследует при этом свои политические цели. Но вместе с тем делается и культурное дело, открывается новое, дающее радость и современникам и грядущим поколениям. Расширение Эрмитажа, например, на 12 зал Зимнего дворца может быть поставлено, конечно, только в плюс.

В университетах теперь х у ж е учатся. Но зато рядом с университетами появились научно-исследовательские институты. Университеты стали учебными заведениями, готовящими «снецов». *Научная работа сосредоточилась в кабинетах, показательных и опытных станциях, лабораториях.* «Профессор» перестал обозначать ученое звание. Этим словом обозначается учебная должность. Но ученые существуют. Они только называются иначе: действительными членами, сотрудника-

Из России пишут:

I. Хлебные запасы исчерпаны

Из Москвы сообщают:

На рабочих громовое впечатление произвели разоблачения, получившие огласку благодаря объединенному пленуму рабочих кооперативов.

Оказалось, снабжение рабочих хлебом до сих пор производилось за счет тех запасов от прошлогодних заготовок, которые удалось весной не допустить к вывозу за границу. Эти запасы были забронированы, как фонд, обеспечизающий рабочих хлебом. И вот теперь, оказывается, что они только расходовались, а не пополнялись. И хотя заготовки нынешнего года по оффициальным сведениям протекают, в общем, успешно, а в Сибири даже хорошо, тем не менее запасы израсходованы настолько, что даже в Москве и Питере необходимо готовиться к замене хлеба картофелем, заводские же местности производящих районов (т. е. Черноземной области, Поволжья, Зап. Сибири, Урала, Юговостока и Украины) надо немедленно «снять с учета», т. е. прекратить доставку туда и выдачу там хлеба, а в самой Москве надо также немедленно еще больше ухудшить качество печеного хлеба, заменив 20-процентный помольный отход (на сор и отруби) 5-процентным, т. е. хлеб теперь будут печь прямо-таки с мусором и песком...

В чем же секрет? Куда девается хлеб нового урожая? На пленуме правленцы отвечали глухо на этот вопрос: «в стране слишком растет потребность в хлебе». Среди рабочих же давно ходят слухи, что хлеб, и притом самый лучший, вывозится заграницу. Об этом определенно говорят железнодорожники, которые имеют возможность следить за направлением грузов. Говорят тайком, что коммунисты делают это для покрытия очередных платежей немецким промышленникам. Очень подозрительным кажется странное увиливание коммунистов и их печати от ясного ответа на эти вопросы...

ВСЕ, КОМУ ДОРОГО СВОБОДНОЕ СЛОВО, ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ.

II. „Классовый курс" на Украине

(ПИСЬМО ИЗ КИЕВА)

Появление новой порции «москалей», командированных центром будто для связи на время перевыборов в бюро партколлективов, никого бы не удивило. Хоть и приказано на время перевыборов проводить внутрипартийную демократию, но без связи и некоторого общего руководства, разумеется, нельзя. Однако, при новом же знакомстве с новокомандированными возникли сомнения: «эге, не спроста»...

Сразу запахло чем-то вроде минувшей зимы. Тогда «москали», командированные из центра для руководства и связи по случаю резкого поворота курса от нэпа к административному отобранию хлебных излишков и раскулачиванию, состояли преимущественно из евреев. В июле, по случаю нового резкого поворота от раскулачивания назад к нэпу и повышению заготовительных цен на зерно, приезжали для связи и руководства тоже москали, но преимущественно русские. Теперь же приехали опять евреи. А это уже известно, — если приезжают русские, значит предполагается что-то приятное, а если предполагается неприятное, то русские от командировки отлынивают и центр для руководства и связи вынужден посылать евреев...

Это первый признак, до сих пор — безошибочный. Ну, а кроме этого без своих информаторов в Москве дело не обходится. А информаторы предупреждали, что надо быть настороже, так как «тифлисская фракция», как у нас для краткости называют компанию, возглавляемую Джугашвили, Орджоникидзе и их подголосками, — подготовляет внезапный удар, чтобы удержать в своих руках партаппарат.

Третий признак, — уже совсем несомненный, — речи приезжих. Подход у них оказался очень идеологический, с бездонным углублением в допустимые пределы смычки с крестьянством, но с весьма практическими выводами. А выводы такие: весною мы, благодаря восстановлению нашей коммунистической линии, получили хлеб и подкрепили финансы; но оппортунисты говорили нам, что уступками мы достигнем более устойчивого положения; уступки были допущены, и что же получилось? Продовольственный вопрос снова в критическом состоянии, а финансы никакой поддержки от

ми 1-го и 2-го разряда, аспирантами и т. д. Все они — от самых известных и до начинающих — должны постоянно доказывать и подтверждать свою «научную квалификацию». При всей нелепости и уродливой суетливости и канцелярщине, к которым приводят эти начинания в коммунистической практике, — что можно сказать против самой идеи? Что можно возразить против приближения науки к жизни, против сведения ее с Олимпа на землю?

Поражает несчетное число книжных магазинов, издательств, библиотек, выставок, которые создаются чуть ли не при каждом центральном учреждении. В России издается сейчас свыше сорока специальных журналов!.. И иногда так издаются, как после войны не издают многие западно- европейские учреждения, недостаточно субсидируемые казной.

Конечно, ближайшие годы предстоят трудные, пока жизнь не утрясется и все не расставится и не определится. Тягостей хватит на целое полстолетие. Ни наше, ни следующее за ними поколение, вероятно, *не увидит никаких свобод*, даже самой, казалось бы, элементарной — свободы печати. Но все же Россия *такою* ценой — и, может быть, *только такою* ценой — идет к европеизации и социализации. И если ценою временного отказа от демократии и всяческих свобод — пусть затянувшегося на ряд десятилетий! — ценою гибели «верхушечной» рафинированной культуры будет все-таки достигнута поголовная грамотность и образованность всего населения в объеме хотя бы четырех классов; если прожиточный минимум на душу подымется с довоенных 136 рублей до, скажем, 250, — то история может и оправдать большевиков, *что* бы мы о них ни говорили и как бы жестоко ни осуждали!.. Во всяком случае, нельзя отрицать того, что это было бы приближением к наибольшему счастью наибольшего числа людей, — как они свое «счастье» сейчас понимают.

«Социализм в наше время» стал теперь лозунгом рабочей партии и в стране классической демократии, в Англии. Не показывает ли это, что и взрощенное в демократических традициях сознание тревожит вопрос о возможности социалистического преобразования на путях и средствами одной формальной демократии?..

Я знаю, что начал с того, что обобщать очень трудно и невозможно. А кончаю — обобщением и даже не одним. Но я не настаиваю на них. Я заранее признал их условность и неубедительность. Они обусловлены случайностью впечатлений и ограниченностью их круга. Я признаю и подчеркиваю *противоречивость* не только моих впечатлений, но и передаваемых фактов. Я отмечал радость и недовольство, бодрость и раздражение, реставрацию старины и снос старых церквей, расширение Эрмитажа и вывоз музейных сокровищ и т. д. Но я с самого начала предупредил, что все необычайно сложно, противоречиво и не укладывается в упрощенные формулы. Я вижу противоречивость моего рассказа. Но в этой противоречивости — косвенное свидетельство его правдивости и его соответствия противоречивой нестроте советского строя жизни.

Сентябрь. **Х. У.**

К ЧИТАТЕЛЯМ, ЖИВУЩИМ В РОССИИ

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЖУРНАЛА В РОССИЮ СОПРЯЖЕНО С ГРОМАДНЫМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ, Т. К. ПОЛИТБЮРО И ГПУ БОЯТСЯ СВОБОДНОГО СЛОВА. — ПО ПРОЧТЕНИИ НЕ УНИЧТОЖАЙТЕ, А СТАРАЙТЕСЬ ПЕРЕДАВАТЬ ВАШИМ ДРУЗЬЯМ

деревни не получают: сельхозналог поступает слабо, самообложение прекратилось, подписка на займы со стороны индивидуальных крестьянских хозяйств «абсолютно исчезла». Факты — упрямая вещь. Восстановление нашей коммунистической линии — единственный выход. «Не так ли, товарищи?». Разумеется, так. Информаторы уже предупредили нас, что несогласные будут причислены к «правой оппозиции» и подвергнуты оргвыводам...

Дальше, — надо, оказывается, резко заострить нажим на всем антирелигиозном фронте: и против церковников, и против баптистов, и против раввинов... При этом, однако, требуется не повторять ошибок «дискуссионных кампаний». С тех пор, как церковники и баптисты принялись за изучение нашей коммунистической литературы, публичные диспуты с ними стали неудобными. Мы не имеем достаточного количества работников для таких диспутов... Пора с полной большевистской откровенностью отдать предпочтение административным мерам. «Согласны ли вы с этим, товарищи?» Разумеется, согласны...

Надо также поднажать на всех индивидуальных хозяев, чтобы поскорее переходили на коллективизацию. Поднажать надо на попутчиков, засоривших и в РСФСР и в УССР наши журналы. Необходимо поставить ребром вопрос о попутчиках. Либо пусть исполняют социальный заказ пролетарской диктатуры, либо — к чертовой маменьке. Вообще настало время крепкой рукой стукнуть по всем проявлениям мещанства, с корнем вырвать плевелы мелкобуржуазности во всех ее проявлениях. Таковы директивы нашего партийного центра. А в частности, надо немедленно продвинуть в селах подписку на займы. Ни одна селянская хата не должна быть оставлена без возможности «добровольной подписки на заем». Если у кого нет денег, пусть платит зерном. Это все равно.

Возражающих, разумеется, нет. Но есть спрашивающие. Все это, что говорят товарищи из центра, очень хорошо. И давно пора. Но нельзя скрывать, что селяне наши настроены не вполне дружелюбно. Нажать нужно. Но если так со всех сторон нажимать, то как бы не произошло неприятностей... Достаточно ли мы к ним подготовлены? Товарищи из центра разъясняют: «подготовлены, части особого назначения усилены, химические средства в достаточном количестве; у нас был неудачный красноармейский призыв, но он за выслугой срока теперь распущен по домам, влившийся в казармы молодняк взят в обработку»... Так, ясно... Но еще практический вопрос: кто будет проводить новые директивы на местах? Нельзя скрыть, что наши селянские ячейки на большой процент состоят из «красных куркулей», — кулачки, кулачата, кулачковы родственники. И даже в райкомах, знаете, с одной стороны — хозобрастание, с другой — надоело людям, как они говорят, «собачиться», многие поддались соблазну жить и ладить по мирному. На это сомнение ответ совсем простой: само собой, необходимо послать в районы специальных товарищей для руководства поворотом курса и для очистки партаппарата от разложившихся и негодных элементов...

С дорогими товарищами из центра никто не спорит. Конечно, надо командировать в районы. Но кого? Украинцы не хотят: «А ну вас к бесу, лучше я оппозиционером объявлюсь»... Кацапы увиливают: «не могу, товарищи. При том же я мову недостаточно все-таки знаю». Кого же командировать в Таращу или Сквиру? Кроме «товарища Сталиненко из бывших Ицекзонов», некого. Острота сия: «товарищ Сталиненко из бывших Ицекзонов» принадлежит Чубарю. Она имеет успех. Положение каждого товарища Сталиненко таково, что он отказаться не смеет. Как Москва, так и мы: неприятные командировки возлагаем на бывших Ицекзонов. А каждый такой Сталиненко, получив приказ производить нажимы в Тараще или Сквире, сам должен понимать, что ему делать: изобретай способ, чтобы на бумаге было стопроцентное исполнение данных директив, но с оглядкой, с учетом других директив, которые могут последовать через два месяца. Уроки к тому же преподаны совсем недавно: не далее, как в июне, кое-кто из очень усердных исполнителей лозунга: «раскулачивай, товарищи», был для успокоения селян расстрелян. Теперь, через три месяца всего, — опять требуют «раскулачивай». Уже очень круты мы стали на поворотах. «Не политика, а тифозная температура». Эту остроту приписывают тому же Чубарю. И она тоже имеет успех.

Так вот и протекают разговоры с дорогими товарищами из центра. Смысл же их общий таков: хитрые грузины подготовили место и время, чтобы вызвать «правую оппозицию» и дать ей бой, но бой не принят. Вероятно, он будет, но не тогда, когда это угодно и удобно т. Сталину. Пусть немножко потерпит и повымотается...

Смысл частный, — учет хлебных запасов в киевских, волынских, черниговских, полтавских и северных харьковских районах. «Москвичи» в августе подъезжали к этим запасам и усиленно убеждали смотреть на них не с местной колокольни, а в общесоюзном плане. Номер не прошел. И вот подъехали с другого конца: распространяйте для поддержания индустрии займы, плату за облигации берите зерном, а зерно направляйте в общесоюзный канал. Этот номер тоже не пройдет. Запасы на Украине жидкие. Они — единственный страховой фонд на всякий случай. Сквирское и таращанское зерно, если и пойдет куда, то не дальше Киева, а мирогородское, если и двинется, то в Кременчуг, а не на Курск. Голодные же екатеринославские и херсонские районы должны поддерживаться, как было условлено, из общесоюзного канала. Как бы грузины ни крутили, — из этого им не выкрутиться.

Теперь, какие последствия?.. Машина у нас работает так: от партаппарата идут директивы. Исполкомы получают их. Пред пишет на бумажках более или менее замысловатые резолюции и говорит управделу: «вот, исполняй, но смотри, если в скорости будет другая директива, я на тебя свалю, ты будешь виноват»... Пред шутит, конечно. Управдел на шутку отвечает смешком. А потом начинает исполнять. Одно под сукно засунет. О другом возбудит каверзные вопросики, требующие согласования. О третьем пишет нисшим инстанциям, но так, что ни один чорт не разберет, что собственно требуется. Так директивы поступают в нисшие инстанции. Там сидят свои преды и управделы. Они подвергают каждую директиву дальнейшей обработке в том же духе. И когда дело доходит до самого нисшего, реального, а не бумажного исполнителя, то от директивы остается лишь некая тень. И что с нею сделает реальный исполнитель, это уже зависит от его вдохновения и осторожности. Так у нас установилось. Нынешние крутые нажимные директивы, можно сказать, убеждают, что иной способ действия совершенно недопустим. Очень хорошо, что машина у нас так работает. Иначе на воздух взлететь от таких поворотов можно.

Но вот, что совсем скверно: «для руководства» курсом, который открыто объявлен нажимом на деревню, приходится выдвигать евреев. Злостным антисемитам, как Сталин, это, может быть, на-руку. Но вообще выходит и гадко, и опасно. По части антисемитизма взрывы уже были в Житомире, Харькове, Чернигове. В Киеве — пороховая пыль в воздухе. От одной искры может случиться беда...

III. Опасный лозунг

... Не так давно возле Апраксина рынка в переулочке с утра заметили прохожие на стенке бумажную ленту с красными буквами: «живи и жить давай другим». Ничего особенного, но проходящим понравилось. Какой-то рабочий, — был он, правда, подвыпивши, — стал даже вслух обсуждать: «вот это правильно, хороший лозунг, именно, — сам живи и другим жить не мешай». На скопление милиционер подошел. «По какому случаю, граждане?». — «Да, вот, товарищ, лозунг хороший». Милиционер покосился. «С одной стороны, как будто ничего и, возможно, что от партийного комитета плакат, а с другой, — уж очень странные слова». Велел, конечно, расходиться. А плакат куда-то исчез. Разговоры, однако, начались.

Потом прошел слух, что такой-же плакат видели на Широкой улице, возле Большого проспекта Петербургской стороны. Но там в другом виде: серп и молот, «пролетарии всех стран, соединяйтесь», а внизу те же слова: «живи и жить давай другим». Потом такой же плакат видели на ограде «Крестов», — значит, на Выборгской стороне...

В чем дело? Наборщики какой-либо типографии для шалости устроили, или с умыслом кто, но только случай этот очень наших здешних коммунистов взволновал. Вопрос, как относиться к лозунгу: «живи и жить давай другим», — горячо обсуждается на партийных собраниях. Собрание партийного актива Петербургской стороны, после долгих споров, вынесло решение, — признать этот лозунг анти-ленинским и контр-революционным. И теперь наши рабочие немножко коммунистам докучают: «ну, как, товарищ, ты, значит, живи, а всем другим жить не давай»?.. Шуток разных и смеху по этому поводу много. Коммунисты же очень злятся... (Петербург).

IV. Калужская передряга

... Собственно говоря, началось с одного агрономика из бывших учителей церковно-приходской школы. Сам он вдовый. Имеет дочь. Отечески постарался пристроить ее в комсомол, в надежде на вакансию в рабфаке. Вакансию секретарь ячейки обещал. Но, когда дело дошло до исполнения, ответил: «в рабфак, душенька, всем хочется, но надо сначала доказать преданность и иметь революционные заслуги». Доказать преданность у нас просто для девушек: согласись только спать с секретарем ячейки. На это девченка согласилась, — секретарь, впрочем, ее в загсе записал. Но как приобрести заслуги перед революцией? Ничего другого барышня не придумала, как донести на отца, что тот был «служителем культа»...

Действительно, он в бытность учителем церковной школы исполнял обязанности дьячка и в стихарь облачался. Преступление небольшое, но он «скрыл это обстоятельство», не упоминая о нем в служебных анкетах... А за сокрытие «позорных фактов прошлого» может нагореть. Испугался старик (не очень, однако, глубокий). Да и злость против дочки и зятя в нем закипела. И вот взял-

ся за перо и стал рабкором. И принялся разоблачать зятя в искажении классовой линии, в разложении, в знакомстве с кулаками, в покровительстве кулакам. Не облыжно, на все сто процентов верно писал... Действительно, — секретарь «разложился». Должность эта — не маленькая. По прежнему счету не меньше станового пристава. С кем же секретарю компанию водить, как не с зажиточными?..

Уком обратил внимание. Секретаря, обличенного тестем, куда-то перебросили. Он должен был уехать, а жену при этом прогнал. И как ей деться некуда, то вернулась, конечно, к отцу. Как уж они после всего этого между собою поладили, это их дело. Но поладили, и стали работать вместе, — она, — в качестве все еще комсомолки, — принялась организовывать юнкоров и селькоров, сочинять стенгазету, а руководство этим делом взял на себя отец. Разоблачать же они принялись помещиков...

... Бывших разумеется. Осталось их в Калужской губернии не мало. И в 1919-м году, когда совхозы, под руководством товарищей, совершенно вылетели в трубу, о бывших помещиках вспомнили: они были мобилизованы в порядке трудовой повинности и им велели управлять разоренными совхозами. Потом трудовая повинность была отменена. Но люди втянулись, восстановили кое-как хозяйства, поправили, и многие до сих пор управляют. Вот за этих-то помещиков и принялись папенька с дочкой. А с их легкой руки и вся Калужская губерния заговорила. И даже Москва заволновалась. И в самом деле: ни больше, ни меньше, как социалистическое строительство на важнейшем фронте у нас доверено, оказывается, бывшим помещикам, — ведь это же чорт знает что!..

Разыгралась вся эта история только что минувшим летом. Урожай не убран, озимые вспашки едва начаты, а управляющих совхозами потащили, — кого обыскивают, кого арестовывают, а всех вообще приготовляют к высылке. В Сибирь, конечно. Где же еще для бывших помещиков может найтись место?

И вот, когда все это началось, караул закричали зомотделы. Уземотделы кинулись в Губземотделы: «спасайте совхозы». Губземотдел в Губисполком. Из Губисполкома — в Наркомзем. Наркомзем в ВЦИК. Большой вопрос: совхозы Калужской губернии среди бела дня подвергаются разгрому. Но оказалось, ни ВЦИК, ни даже ЦИК ничего предпринять не могут: не мелочь какая-нибудь, а классовая линия, основной стержень классовой политики в деревне. Без согласования с ЦК ВКП Совнарком никакого права делать указания не имеет.

Стали в Москве согласовывать. А управляющие совхозами продолжают, кто сидеть, кто на полусвободе к ссылке готовиться. Согласование тянулось больше месяца. И только в сентябре принято решение: за истечением срока, назначенного для высылки бывших помещиков во всесоюзном масштабе, новые ходатайства мест о высылках не принимаются. Арестованных выпустили и приказали вернуться на старые места. Всем прочим велели: работайте покамест, как работали. Убытки, понесенные совхозами от этой передряги, будут покрыты из местного бюджета.

Инициатор же всего этого торжества приобрел славу замечательного селькора: точность у него стопроцентная, классовую линию он понял и держит верно, непоколебимо. Дочка же, — независимо от ее иска к бывшему мужу об алиментах, — вступила, под руководством папаши, в переписку с Марьей Ильиничной и даже с самой Надеждой Константиновной... В сущности, и человек она обыкновенный, ей хочется только пробить себе дорогу к высшей школе. И отец не плохой человек, ничего ему больше не надо, как только дочку в рабфак устроить. Разве не похвально, само по себе, это настойчивое, упорное стремление к образованию?

V. На рудниках

... Спросишь приезжего с рудников: «Ну, как работа на шесть часов?» — «На какие шесть часов?» — «Да в газете написано, что вы перешли на шестичасовой рабочий день». — «Ерунда. Это все ячейки. Рабкоры, с-ны дети»...

Из центра приказано: переходить на 6-часовой день. Ячейки поднимают вопрос: «надо перейти». Рабкоры торопятся написать в газету: «перешли»... Ячейки довольны: в центре осведомлены, стало быть, об исполнении. Составляются сводки: «все перешли на шесть часов». А в действительности, какая-то чепуха. Директора говорят: «я ничего не знаю». Инженеры тоже ничего не знают. Секретари ячеек тоже не знают: бумажная отчетность совершенно разошлась с действительностью: по бумаге говорить, на действительности поймают, по действительности сказать, — в составлении фальшивых отчетов уличат. Да и нельзя сказать, не выяснивши, кто спрашивает и для чего... Все фактические справки у нас имеют целевой характер. Для одной цели — состояние одно, для другой — другое.

А работа у нас идет так. Видит штейгер по расположению породы, что ход надо продолжить и скрепы поставить. Бежит к инженеру: «Так и так, нужно бы сделать вот что». — «Делайте». — «Позвольте письменное приказание». — «Зачем приказание? Это ваше дело». — «Может быть, и мое, но отвечать я не намерен. Нет, уж вы напишите приказание»... Инженер идет к старшему инженеру: «Штейгер такой-то сообщает то-то. Будьте добры, сделать распоряжение». — «Сами распорядитесь, это ваша часть». — «Да, но я не хочу попасть во вредители». — «Ну, а я тоже не хочу»... И вот ничтожный вопрос — требуется всего-то каких нибудь три десятка скреп, — идет на рассмотрение директора. Директор, — ему тоже не хочется попасть во вредители, — направляет дело в производственное совещание. Производственное совещание состоит из людей неподготовленных сознательно решать вопросы. Но ведь важно, чтобы проголосовали, тогда никто не отвечает. И вот производственное совещание разрешает, канцелярии пишут, недельки через две штейгер получает, наконец, письменное приказание... А бывает так: пока штейгер еще к инженеру бегал, рабочие сами на свою голову и ход продолжили и скрепы самовольно поставили. И это хорошо, если так бывает. Обыкновенно же все с утра до вечера хлопочут, чтобы себя от возможной ответственности избавить, и даже заметить некогда, что в производстве делается и как делается...

... Тиф у нас разгулялся, как в 1921-м году. Хлеб, как исчез с марта нынешнего года, так до сих пор его нет. С нужными товарами в кооперативных лавках день ото дня хуже. Водки — хоть залейся, а ни рубашки, ни штанов. Наплывают голодающие. По селам, — они кругом неурожайные, — кто побогаче, те промышляют торговлей. Беднякам же — хоть умирай. Со слезами просят: «братцы, дайте поработать, сами видите». Видим, жены, дети... Погибает народ. Действительно, надо бы поскорее на шесть часов перейти, все-таки хоть тысячу-другую голодных можно бы пристроить на работу. Но рабкоры пишут. И никто ничего не знает. (Юзово-Сталино)...

Поход на „правый уклон"

Из данных, опубликованных советской печатью, видно, что поход, внезапно объявленный сталинцами против «правого» или «буржуазно-демократического» «уклона», не встретил среди московских коммунистов, даже принадлежащих к так называемой сталинской франции, полного одобрения.

Некоторые из видных партийцев, — например, Запольский, — считают, что весь этот шум поднят не по принципиальным или политическим соображениям, а вследствие чисто личных интриг и дрязг. Это — не политическая борьба, а «склока».

Другие, не отрицая наличности примирительных и скептических течений в рядах ВКП, указывают, что эти течения имеют свою полезную сторону. Так, именно примирительные партийцы сигнализировали об опасности слишком левого уклона во время весенних хлебозаготовок. Под влиянием многих писем и докладов, полученных от «примиренцев», состоялось устранившее вредные крайности постановление июльского пленума ЦК и ЦКК. Во всяком случае, при нынешнем остром и критическом положении не следовало начинать поход против «правого уклона», — это не та политика, которою могут серьезно заниматься серьезные деловые люди. Такую точку зрения на последнем — октябрьском — заседании МК высказал Фрунтов.

Третьи возражают против формальных нарушений. Никакого основания обвинять Московский Комитет в правом уклоне нет, — и с этим должен был согласиться в своей речи 19-го октября сам Сталин. Речь идет лишь о том, что сентябрьский пленум МК и МКК отклонил предложение группы партийцев о немедленном открытии борьбы против «примиренцев» во время перевыборов бюро в парткомах и комячейках. Признавая, что пленум МК и МКК допустил в этом случае ошибку, нельзя оправдать дальнейшего поведения тех, кто предлагал начать борьбу. Они начали вести подкоп против решений пленума через посредство отдельных районных активов московской организации и стали добиваться через голову МК, чтобы Центральный Комитет вмешался в это дело. Секретариат же Центрального Комитета вместо того, чтобы призвать оппозиционную группу московской организации к порядку, пошел на-

встречу ее домогательствам и тем допустил нарушение устава.

Отвечая на эти обвинения, Сталин в речи своей 19-го октября заявил, что все произошло в порядке самокритики, которая позволяет не считаться с формальными соображениями и требует целесообразности.

Наконец, четвертые, — и среди них такой видный коммунист, как Берзин, — протестуют против слишком поспешных и слишком крупных расправ, примененных ЦК в данном случае. Отвечая на протест Берзина, Сталин заявил, что Ленин в 1919 и 1920 г.г. расправлялся с партийцами, вызывавшими его недовольство, не менее поспешно и более круто.

Оправдывая свои распоряжения вообще, Сталин высказал, что в настоящее время «правый уклон» представляет для компартии огромную опасность, так как в стране остаются живые и сильные элементы капитализма и буржуазного демократизма. Если Московский Комитет в целом твердо стоит на принципе социалистического строительства в одной стране, то отдельные прослойки буржуазного влияния страны в нем есть. Надо признать открыто, что такие прослойки есть даже в ЦК. Это указание генерального секретаря равносильно призыву — так произвести перевыборы партийного аппарата, чтобы буржуазные прослойки исчезли.

Вместе с тем Сталин счел нужным решительно протестовать против слухов и «сплетен» о его борьбе с Рыковым в Политбюро. «В Политбюро, — заявил он, — нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев». Политбюро — единодушно держит линию социализма в одной стране.

Так рисуется положение советской прессою. Полученные нами из Москвы частные сведения дают несколько иное освещение. Мы их приводим выше.

Несколько слов по поводу статьи „Ответ капитала"

Общее резюме статьи «Ответ капитала», помещенной в № 7 «Дней», то, что в первую очередь должен быть восстановлен в России «правовой порядок». Но при этом не выяснен очень существенный вопрос, должен ли этот правовой порядок иметь своим последствием право участия в восстановлении экономической мощи страны и тех элеменотв, которые ныне пребывают в невольной бездеятельности за рубежом. Не подлежит никакому сомнению, что деятельность многих из них вполне известна и мировому капиталу, и привлечение такового к делу восстановления экономической мощи страны лишь получит лишний шанс на свое осуществление. Не нужно только ставить это в связь с восстановлением их имущественных прав. Должны они вступить как пионеры в деле возрождения экономической жизни страны, а не как искатели своих утерянных прав.

Проф. Тимашев выступил в газете «Возрождение» с целым рядом статей по вопросу о восстановлении этих прав, — статей, могущих вызвать только недоумение. Отдавал ли г. Тимашев себе отчет в возможности практического осуществления этих своих проектов? Ведь имущественные права утратили миллионы и миллионы русских собственников. При полном уничтожении всех нотариальных записей, купчих, паев, конторских книг, какой же сонм опытных юристов и сколько лет труда нужно, чтобы разобраться в этих имущественных правах, особенно в тех наследственных переходах, которые произошли за эти одиннадцать лет?.. Коснусь лишь области фабричной. Ведь фабрика — живой организм, живущий изо дня в день. Кто же за время между заявлением бывшего собственника и водворением его в его правах ведал бы фабрикой, т. е. выплачивал бы жалование, закупал бы сырье, направлял бы работу фабрики, организуя и обеспечивая сбыт? Не правительственный же агент, в виду предстоящей передачи владения. Ведь это было бы синонимом разрушения и того немногого, что уцелело в промышленности... Разве идея концессии исключает возможность восстановления и расширения существующих фабрик и других видов промышленности?..

Такие статьи, как статьи г. Тимашева, поддерживая несбыточные надежды и иллюзии и тем направляя эмигрантскую мысль на совершенно ложный путь, приносят непоправимый вред делу участия и зарубежных сил в деле возрождения страны.

Москвич

Экзаменационный подлог

Из Москвы сообщают, что в кругах, близких к одному из технических высших учебных заведений, большое впечатление произвел раскрытый случай экзаменационного подлога.

Дело в том, что детям научных работников предоставлены для поступления в высшие школы права и преимущества наравне с детьми «рабочих от станка». В нынешнем году на 350 вакансий было подано 5.000 прошений о приеме. Экзаменовали, конечно, очень строго, причем экзаменующихся детей научных работников выделили в особую группу. И случилось так, что никто из этой группы предложенную математическую задачу не решил и все, следовательно, провалились. Провалившимся, казалось бы, остается лишь пенять на себя. Но кое-кто из профессоров заинтересовался этим случаем. С большим трудом удалось достать подлинный, бесспорный текст задачи. И тогда обнаружилось, что для данной группы экзаменовавшихся, и притом только для нее, была составлена задача, решение которой невозможно, и притом так хитро составлена, что лицам, имеющим образовательный уровень средней школы, чрезвычайно трудно невозможность условий задачи заметить и доказать. Группе же, очевидно, заранее намеченной к приему не по образовательным, а по классовым — вернее, партийным — признакам, задача была предложена другая, возможная и достаточно легкая.

Другими словами, дети научных работников отстранены от конкурса и лишены права на высшее образование путем подлога и обмана. Случай этот явно требует прокурорского вмешательства. Но, разумеется, «красная прокуратура» молчит, а цензура не позволяет предать это дело огласке.

Русская жизнь в анекдотах

ИЗ ГРЯЗИ, ДА В КНЯЗИ

К чистильщику сапог, грузину, подходит клиент:

— Почистите, пожалуйста, башмаки...

— Не могу!..

— Почему?..

— Ожидаю высокого назначения...

66 ПРОЦЕНТОВ

— Здравствуйте, профессор!..

— Помилуйте?!. Какой же я профессор?!.

— Значит, ошибся!.. Странно: в двух случаях из трех я попадаю верно!..

КОГДА ПАДУТ БОЛЬШЕВИКИ?

— Через 289 лет!

— Откуда такая точность?..

— Триста лет лежали при Романовых на правом боку. Теперь уже 11 лет отлежали на левом боку... Еще остается 289...

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

— Какая разница в положении Радека до 17-го года и после?

— Прежде он сидел и дожидался, а теперь — он дождался и сидит....

«АМБУЛАТОРНЫЙ» БРАК

Жилплощадь — один из наиболее свирепых бичей советского строя. Ради квартиры, которую «приносят» в приданое, женятся. Не находя квартиры, даже разошедшиеся супруги остаются в одном помещении. Чтобы не потерять своей комнаты, супруги, живущие в разных квартирах, не живут на общей территории.

Как когда-то призывные приходили «на побывку» к жене, так теперь «на побывку» друг к другу приходят супруги из страха иначе потерять жилплощадь.

Эта «побывка» иначе именуется — амбулаторным браком.

РУКА НЕ ПОДНИМАЕТСЯ...

Говорят, Троцкий стал подписываться: «Тро».

Объясняется это тем, что на ЦК у него рука не поднимается.

Кремль и иностранцы

Англия, СССР и мусульманское движение

Сенсационные сведения относительно планов расчленения России снова ставят в порядок дня этот больной для России вопрос.

В целях разностороннего освещения мы приводим некоторые новые сведения, относящиеся к этому вопросу и развивающие наши сведения (см. «Дни» № 8) о новой точке зрения на него в Англии.

Источником нашей информации является беседа, имевшая место между одним ответственным представителем одного из европейских государств и известным нам видным общественным деятелем.

Пользуясь большим личным авторитетом среди государственных деятелей великих держав, г. Х. имеет возможность передать по данному вопросу, не только свою, но и точку зрения представителей этих держав. И вот на основании своих личных бесед он прежде всего вносит существенный корректив в общераспространенное мнение о международном весе России.

— Сущее недоразумение думать, — сказал г. Х., — что Россия скинута с международных весов, что с нею не считаются и что европейская дипломатия все крупные вопросы разрешает, подчас даже забывая об ее существовании. Ничего подобного нет. Безотносительно к оценке международного веса СССР и значения работы Коминтерна, факт существования России с ее 150-миллионным населением, является таким крупным фактором, что в буквальном смысле давит на все международные акции и акты. Великие державы не только считаются с этим фактам, но они исходят очень часто из него в своих действиях и решениях.

В частности, что касается вопроса о будущей судьбе России, как великой державы, и всевозможных планов ее расчленения и раздробления, то в этом вопросе произошла в последнее время весьма важная перемена в точке зрения руководящих кругов великих держав и, в частности, Англии.

В настоящее время в оффициальных кругах Форейн Офиса , — (как уже сообщалось в прошлом номере «Дней»), *оставлена старая керзоновская точка зрения о расчленении России. Теперь Англия считает для себя выгодным существование неделимой и единой России.* Объяснение происшедшей перемены надо искать в тех событиях, которые в последнее время имели место на Востоке и, в частности, в мусульманском мире. То серьезное национальное движение, которое под влиянием большевистской пропаганды и послевоенных настроений возникло в Азии и в Египте, создает для Англии большие затруднения в деле управления мусульманскими странами. *В Англии начали понимать, что рост национального движения в Египте, Ираке и Индии находится в непосредственной связи с тем движением, которое создают сами большевики среди российских мусульман. Все эти Туркменистаны, Узбекстаны и Азербейджаны являются источниками вдохновения для Афганистана, Персии и, в особенности, для Ирака, Индии, Египта и Палестины.*

Но в Англии понимают и другое: там знают хорошо, что несколько десятков миллионов российских магометан, получив, в случае расчленения России полную независимость, представят для английской восточной политики больше затруднений, чем в случае их нахождения в пределах российской государственности. Удержав в той или иной форме десятки миллионов мусульман в своих пределах, Россия наполовину облегчает задачу Англии на Востоке, разделяя с нею бремя управления восточными мусульманами. *Вот по этим соображениям и расчленение России и образование независимых Украины, Кавказа, Туркестана и др., считается теперь в Англии невыгодным с точки зрения британской восточной политики.*

По мнению г. Х., в настоящее время единственным защитником точки зрения расчленения России и единственным покровителем российских сепаратистов остается Пилсудский, который действует на свой страх и риск. *Его планы не находят сочувствия ни в одной стране и даже Румыния отказалась от предложения польского маршала заключить оборонительно-наступательный союз против России.*

«В такой перемене отношения к данному вопросу немаловажную роль сыграла и та оценка национального движения, которая сложилась, в частности, по отношению к украинскому движению. Теперь уже выяснилось, что украинский сепаратизм, являясь достоянием некоторых интеллигентских верхов, никаким сочувствием в широких народных массах не пользуется. Об этом говорят те сведения, которые, в частности, мы получаем от наших представителей в СССР».

Французские отклики на новую концессионную политику

СОВНАРКОМ СОБИРАЕТСЯ ПРОДАТЬ ИНОСТРАНЦАМ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ?

Новая концессионная политика Совнаркома продолжает усиленно обсуждаться во французских политических кругах.

Чрезвычайно существенную и интересную статью посвящает ей бывший вице-председатель комиссии Палаты Депутатов по иностранным делам, радикал-социалист Альберт Мильго. Статья эта напечатана в приложении к финансово-политическому бюллетеню «Капитал». В этих приложениях появляются весьма часто статьи по экономическим и финансовым вопросам, подписанные виднейшими финансово-политическими деятелями Франции. Достаточно указать, например, что в том же номере, в котором помещена статья Мильго, напечатана статья Кайо. Заглавие статьи Мильго: **«Восстановление капитализма в России».**

Основное положение Мильго сводится к тому, что в России вот уже в течение нескольких лет происходит постепенное восстановление капитализма. **«От времени до времени,** — пишет он, — **какой либо новый факт отмечает новый этап в той медленной эволюции, которая приводит эту страну не к политическому, экономическому и социальному исходному пункту начала 1917-го года, а к положению вещей, приближающемуся к нормальному положению в других странах».**

Таким «этапом» Мильго считает и последнее постановление о концессиях. При этом, он отмечает чрезвычайно серьезный слух. «В последние дни, — сообщает он, — **намекали, что советское правительство готово продать железные дороги финансовым группам». Но,** — оговаривается Мильго, — **«это только проект, только слух».** С другой стороны, есть уже, по словам осведомленного автора, **сведения о заключении, на основании нового постановления Совнаркома,** нескольких соглашений с французскими капиталистами о производстве искусственного шелка, кинематографических пленок и земледельческих машин (уральский район). «Таким образом, — добавляет Мильго, — несмотря на висящий над ними Дамоклов меч всегда возможной в Москве перемены фронта и изменений персонального состава правительства, нашлось несколько смелых людей, которые руководятся принципом: «кто не рискует, не выигрывает», а вероятно также и ощущением, что **Россия не может более позволить себе роскошь новых революционных фантазий в экономической области».**

Изложив далее историю нэпа и всех последующих отступлений советского правительства с позиций военного коммунизма, Мильго приходит к выводу, что **«от военного коммунизма времен октябрьской революции и борьбы против белых армий ничего не осталось», и что в России «восстановлены все основные элементы капиталистического режима».** Нет только капиталов. Этим и объясняется, по мнению Мильго, то, что советское правительство решилось идти на соглашение с капиталистическими странами. Приводя далее слова, сказанные когда-то Калининым: «СССР должен в вопросах культуры, техники и науки идти впереди всех капиталистических государств», ибо «история поставила вопрос так: или вы будете первыми на земле, или вы будете разбиты и превращены в колонию капиталистического мира», Мильго пишет:

«Советское правительство, повидимому, вынуждено принять вторую часть диллемы, поставленной так ясно самым высокопоставленным лицом советской иерархии»...

Заканчивает Мильго свою статью очень яркой картиной «новой аристократии», живущей в бывших княжеских резиденциях и

в роскошных виллах в Крыму, путешествующей в спальных вагонах и проводящей отпуски на модных курортах «буржуазной Европы». «Все это люди приученные — презрительно добавляет Мильго — **Они не хотят отказаться от конкретных и ощутимых преимуществ, даваемых властью. Они повернулись спиной к оппозиции, которая, за исключением Троцкого, сама отреклась от себя. Это новое дворянство хочет властвовать и наслаждаться жизнью любой ценой. Утомленные маршалы Наполеона присоединились к реставрации. Люди из коммунистической партии присоединяются сейчас к капитализму, которому остается только заговорить, чтобы быть услышанным. Это положение можно считать, в зависимости от вкуса, хорошим или скверным, — ничто не может его изменить»...**

***

Так же, в общем, толкует (в газете «Журналь») новую концессионную политику и один из упорнейших «социальных консерваторов», парижский депутат Луи Роллен, с тем только дополнением, что он, — по испытанному методу всех реакционеров, — усматривает в крахе советской «борьбы с капитализмом» не то, чем этот крах является на самом деле, — т. е. не только оффициальное признание **банкротства коммунизма,** — а доказательство тщетности **всякой** вообще борьбы с капитализмом.

Статья Роллена — еще одна превосходная иллюстрация того положения, что в глазах защитников капиталистического строя советское правительство все более и более играет роль тех рабов в древней Греции, которых демонстрировали в пьяном виде перед юношами для того, чтобы внушать отвращение к пьянству. Эти защитники, конечно, отлично знают, что советский строй не имеет ничего общего с социализмом, но демагогически пользуются ложью коммунистов о строительстве ими «социализма в одной стране» для того, чтобы компрометировать в глазах населения социализм. Единственное средство борьбы с этой демагогией, — все более ясное и решительное отмежевание социализма от коммунизма.

***

Коммунистическая печать первоначально попробовала совершенно скрыть от своих читателей постановление Совнаркома. Лишь после угрозы социалистической газеты «Попюлер» «довести об этой капитуляции до сведения коммунистических рабочих посредством особых плакатов» и тем поставить компартию «в столь же смешное положение, в котором она очутилась, когда афганский король возложил венок на могилу Ленина» (французские коммунисты были так смущены торжественным приемом, оказанным большевиками его величеству, что хотели совершенно скрыть этот факт от французских рабочих и только после повторных напоминаний того же «Попюлера» решились опубликовать его), недавно вернувшийся из Москвы Марсель Кашен стал усиленно «разъяснять», что в сущности ничего не случилось. В особую ярость приводит лидера французских коммунистов то, что вся французская печать — и буржуазная и социалистическая — оценивает этот акт советского правительства, как новую уступку. «Социалисты говорят, — пишет Кашен в «Юманите», — что это призыв, продиктованный отчаянием, — сигнал о гибели. Буржуа пишут: «мы присутствуем при предпоследнем акте драмы». Но «наиболее низко опустился», по мнению Кашена, «в постыдном нападении на Советы «Попюлер». Социалистическая газета весьма резонно высказала опасение, что «отчаянно цепляющиеся за власть большевики могут решиться на те или иные безумные акты». Кашен по этому поводу рвет и мечет. Делая такие заявления, — пишет он, — «Попюлер» объединяется с худшими анти-советскими авантюристами и ободряет их в их открытой подготовке к нападению на республику рабочих и крестьян».

Это, конечно, очередная коммунистическая чепуха. Мы можем удостоверить, что опасения социалистической газеты разделяются многими лицами, живущими в России, которых в желании «содействовать нападению на СССР» не заподозрит, вероятно, само ГПУ.

„Национальная" позиция

Заслуживает быть отмеченной позиция, занятая в вопросе об образовании «комитета кредиторов России», т. е. синдиката различных иностранных обществ держателей русских государственных и гарантированных государством ценностей, «национальными» эмигрантскими кругами. Как известно, «национальный характер» этих кругов выражается почти всегда преимущественно в том, что эти круги поддерживают всевозможные претензии иностранцев по отношению к России. И на этот раз, если судить по газете «Возрождение», «национально-мыслящие» элементы остались верны себе. В этом отношении рекорд цинизма побит редакционным примечанием, которым «Возрождение» снабдило сообщение о «тревоге большевиков» по поводу образования комитета лорда Ревельстока и о составе и задачах этого комитета. Отметив, что в борьбе с «нефтяным фронтом» «большевики вынуждены продавать в Англии нефть на три пенса за галлон дешевле рыночной цены, что составляет потерю в 30 зол. рублей на тонну» (какой отрадный для «национального сознания» факт!) «Возрождение продолжает:

«Нет сомнения, что в этой борьбе большевики будут побеждены. А теперь образуется финансовое объединение! Лорд Ревельсток — глава фирмы братьев Беринг, до революции ведавшей на лондонской бирже размещением русских бумаг, — объединил всех иностранных, в том числе и германских, держателей русских государственных бумаг и бумаг, гарантированных русским правительством. По взаимному сговору доход от всякой операции любого из членов объединения распределяется между всеми его членами, иными словами, сделки теряют практический смысл, если они не ведутся сообща».

«Образование комитета лорда Ревельстока, — продолжает «Возрождение», — после образования общего нефтяного фронта сэра Детердинга **ставит борьбу с большевиками путем их экономического окружения на надлежащую почву, с которой она была отведена семь лет тому назад соглашательской политикой Ллойд-Джорджа. Будем надеяться, что за этим первым шагом последуют и дальнейшие».**

Как у нас уже сообщалось, одно из первых постановлений Комитета сводилось к тому, что входящие в него организации обязуются не вести никаких сепаратных переговоров об урегулировании долгов ни с советским, ни со всяким иным, могущим придти на смену советскому, правительством. **С точки зрения «Возрождения» это есть «постановка борьбы с большевиками путем их экономического окружения на надлежащую почву». Не пояснит ли «национально-мыслящая» газета, какой национальный интерес России требует, чтобы иностранные держатели государственных облигаций получили по этим облигациям возможно больше и не могли в порядке того или иного частного компромисса пойти на те или иные уступки?..**

Для эмиграции эта своеобразная «национальная» позиция «возрожденцев» — явление привычное. Для читателей в России она может оказаться новой и неожиданной. Мы считаем особенно полезным ознакомление именно их с тем, что представляет из себя «национальная мысль» правых кругов эмиграции.

Из мира рабочего движения и социализма

Забастовка в Лодзи. — Революционная гимнастика коммунистов и перспектива локаутов в Германии.

Трудные дни пришлось пережить польской социалистической партии (П. П. С.) за истекший октябрь: коммунизм с одной стороны, национализм с другой, — ведя натиск на партию, — пытались расстроить ее ряды в тот момент, когда перед партией стояло как раз такое ответственное и трудное дело, как руководство — через посредство с ней связанных профессиональных союзов — забастовкой в Лодзинском ткацком районе.

Забастовка ста тысяч ткачей превратилась на некоторое время во всеобщую, и жизнь в таком большом промышленном центре, как Лодзь, замерла, точно во время осады, когда для поддержания населения остается лишь прибегать к мерам общественной помощи.

Загорелась же борьба не как следствие обдуманного стратегического плана, а как непроизвольная реакция на жестокий гнет фабричной эксплоатации; реакция, для которой достаточно было малейшего повода, чтобы превратиться в пожар.

Поводов же было сколько угодно в этой Лодзинской ткацкой промышленности, которая свою потерю русского рынка старалась всячески возместить на боках рабочих, благо эти рабочие принадлежат к наименее сознательным и организованным в среде польского пролетариата.

И не менее, чем поводов, было и подстрекателей, которые заняты были не мыслью о той ответственности за судьбы борьбы, которую они берут на себя, а только тем, как бы рыбу поудить в мутной воде сумятицы и как бы по сему благодарному случаю выбить из седла конкуррента и утвердиться на его месте.

Как всегда и всюду при таких обстоятельствах, на массовом возбуждении спекулировали и его изо всех сил подхлестывали коммунисты, готовые вызвать даже частичную забастовку и тем самым идти на предрешенный провал.

Создавалось положение, когда выжидать более благоприятных условий для начала борьбы значило только, отказавшись от руководства борьбой, передать ее полностью в ру-

ки безответственных элементов и тем еще более понизить ее и без того невысокие шансы.

Пепеэсовские (так называемые — свободные) профессиональные союзы даже и после того, как попытка заставить фабрикантов вступить в переговоры с рабочими не увенчалась успехом, даже и тогда, созвав совещание фабричных делегатов, указывали собранию на опасность и невыгодность разгоревшейся стачки, но вынуждены были отступить перед решением собрания, к которому больше всего приложили свою руку коммунисты и которое провозглашало — заострение борьбы.

А в чем именно должно заключаться это заострение борьбы, тому в ближайшие дни показали пример коммунисты, которые стянули в Лодзь свои силы, мобилизовали своих депутатов и открыли «военные действия», — не против капиталистов, конечно, а против им, коммунистам, ненавистных рабочих-социалистов, призывавших забастовщиков к спокойствию и самообладанию.

В результате «кровавое столкновение», которое советское агенство описывает так:

«Перед зданием окружной комиссии руководимых пепеэсовцами профессиональных союзов собралась многочисленная толпа рабочих, потребовавших, чтобы окружная комиссия организовала уличную демонстрацию. Делегация рабочих проникла в помещение окружной комиссии и потребовала от председателя проф. союза текстильных рабочих пепеэсовского депутата Щерковского, чтобы он стал во главе демонстрации. В ответ на отказ Щерковского возмущенные рабочие набросились на него и на нескольких других находившихся в помещении пепеэсовцев».

Была призвана полиция и произошел бой с пролитием крови.

В тот же день случилась демонстрация около тюрьмы, причем опять было несколько раненых, и приезжие депутаты-коммунисты тем временем «развернули» — согласно сообщению того же большевистского агенства, — «энергичную кампанию разоблачения предательской роли в забастовке пепеэсовцев и других «вождей» рабочего движения».

Со своей стороны пепеэсовцы предложили окружной комиссии «заклеймить» «раскольническую работу коммунистов», что, разумеется, было совершенно в порядке вещей. Но еще больше в порядке вещей оказалось то, что, при сложившихся внутри рабочего класса таких взаимоотношениях, не прошло и нескольких дней после описанных происшествий, как все грандиозное сооружение стотысячной забастовки с грохотом рухнуло, и гонимые голодом рабочие капитулировали перед капиталистами, согласившись на условия, которые им и раньше предлагались, но которые ими были первоначально отвергнуты...

Это были те же 5% прибавки к заработной плате, плюс еще милостивая подачка в виде двухнедельного аванса, предназначенного несколько смягчить дошедшую до последних пределов нужду рабочего населения Лодзи.

Оправдались самые худшие опасения социалистических профессиональных союзов: революционная гимнастика коммунистов не заменила собой недостающих средств борьбы. Коммунистические агитаторы пошалили со злосчастным населением и были таковы, — улетучились, население же никуда не ушло. Оно осталось, сугубо деморализованное и дезорганизованное, как своим поражением, так и похмельем после коммунистической травли профсоюзных организаций.

Единственными именинниками оказались капиталисты-фабриканты, которые получили теперь в свое распоряжение ослабленное неудачей и потому более послушное рабочее население Лодзи.

***

Революционная гимнастика, преподанная коммунистами в Лодзи и которой мы только что дали посильное описание, есть, как мы знаем, не местное измышление польских коммунистов. Нет. *Лодзь это лишь случайный квадратик на шахматной доске Коминтерна, на которой великие шахматисты коммунизма играют, как пешками, человеческими жизнями и человеческим, хотя бы и наискромнейшим, достоянием.*

Коммунистическому пролетариату из центра предписана всюду эта революционная гимнастика, и всюду, куда ни кинешь взор на карту Европы, перед нами развертывается в виде однообразно повторяющегося казенного шаблона это упражнение коммунистической мускулатуры.

При этом эта мускулатура, как и в Лодзи, дает себя знать не столько капиталистам, — ибо коммунизм большей частью «*сердит, да не силен*», — сколько непременно своему же брату рабочему.

К счастью, не так уж многочислены случаи, когда бы рабочие позволяли коммунистам проявлять свою гимнастическую ретивость. Будучи организованы, они оказывают нужный отпор любителям гимнастики. И даже там, где коммунистам удается порой прорвать это сопротивление организаций, рабочие ставят быстро предел коммунистическому своеволию.

Я имел уже случай рассказать читателю этих обзоров о подвигах коммунистов на севере Франции, где ими была неудачно разыграна забастовка ткачей, охватившая лишь ничтожную часть рабочих и закончившаяся полным провалом.

А теперь вот, совсем на-днях, коммунисты в Гамбурге попытались, вопреки постановлению профсоюза, возбудить забастовку среди портовых рабочих и своим насилием над ними запугать тех из них, кто шел на работу несмотря на угрозы коммунистов, следуя указаниям своей профсоюзной организации.

Коммунистам на короткое время удалось внести в рабочую среду замешательство, которое в конце концов только еще более сплотило рабочих против коммунистов, заставив их, как гласит единодушно принятая социал-демократическими портовыми рабочими резолюция: — «*оказать активное противодействие коммунистическому террору*». Портовые рабочие идут на работу и с работы возвращаются организованными отрядами, тем самым сведя на нет запугивания коммунистов...

Капиталистам эти коммунистические упражнения могут быть только на-руку, особенно тогда, когда, как это сейчас происходит в Германии, в трестированной промышленности лихорадочно ведутся приготовления к тому, чтобы надавить на рабочих путем грандиозных локаутов.

В ткацкой промышленности опасности массового увольнения подверглось больше миллиона рабочих; в металлургической северо-западного района Германии речь идет о нескольких стах тысяч.

В моменты таких грандиозных столкновений рабочим больше всего необходим, конечно, действительно «единый фронт». И, конечно, с объединенной армией предпринимателей вести разговоры с должной твердостью может лишь столь же объединенная армия пролетариев.

И в этих случаях, как бы ни были ничтожны сами по себе партизаны коммунисты, но их партизанские, несогласованные со всей армией, действия могут тем не менее оказаться существенно вредными для рабочего дела и, наоборот, чрезвычайно полезными для предпринимателей.

Опасность несомненно налицо. И если она все же не реализуется, то не потому, чтобы коммунистам не хотелось себя проявить, а потому, что им себя проявить не удается.

Ткацкий локаут уже предотвращен обязательностью решения третейского разбирательства конфликта между предпринимателями и представителями профсоюзов. И есть надежда, что так же удастся предотвратить столкновение и в металлургической промышленности.

И это был бы, повидимому, лучший исход, потому что положение в промышленности, — то, что называется конъюнктурой, — не таково, чтобы рабочие могли сейчас начинать грандиозные битвы.

Серьезные организации и серьезные партии не позволяют себе рисковать судьбою сотен тысяч и миллионов рабочих, как всегда и неизменно готовы это делать коммунисты.

Революционная гимнастика *не* социалистическое, *не* рабочее дело.

Это дело провокаторов — авантюристов из Коминтерна.

А. Потресов

Как реализуется новый заем?

Восемнадцатого июля т. г. Совнарком принял постановление о выпуске 2-го государственного выигрышного займа индустриализации на сумму в 500 миллионов рублей.

Размещение этого займа планировалось следующим образом:

1. 225 милл. рублей среди рабочих и служащих;
2. 100 милл. рублей среди остальных слоев городского населения;
3. 75 милл. рублей в деревне.

Остающиеся 100 миллионов рублей, очевидно, имелось в виду рассовать по предприятиям и учреждениям.

Как же проходит реализация займа? По опубликованным сведениям, на 1-ое сентября реализовано до 350 миллионов рублей. Кто оказался участником реализации?

Дадим ответ по намеченным выше группам.

1. Рабочие и служащие. «Подписка» оказалась удовлетворительной. Чем же объясняется успех? Последовательным применением метода «коллективной подписки». «Финансы и народное хозяйство» (№ 41) пишет: «Лозунг подписки в размере месячного оклада претворен в жизнь. Рабочие и служащие сделали огромное, героическое напряжение». По Москве подписка охватила 78 процентов членов профсоюзов, тогда как в 1927-м году этот охват не превышал 15-ти проц. («Эк. Жизнь» от 22-го сентября 1927 г.). Таким образом, власть добилась усовершенствования техники принудительного размещения займа. Никакими доводами нельзя доказать, что у 78% членов профсоюзов оказалась возможность при скудости заработка обратить месячное жалование на заем. Страх быть уволенным при безработице, открытое голосование при принятии резолюций о коллективной подписке делают свое дело.

2. Среди остальных слоев населения подписка дала результаты в тех случаях, когда она проводилась через домкомы, т. е. путем возложения обязанностей реализации определенных сумм займа на домовые комитеты. Теперь предполагается «развернуть этот метод подписки» и, в частности, «уловить сбережения домашних хозяек». Как обстоит дело с так называемой «индивидуальной» подпиской в городах, т. е. такого рода подпиской, где есть все-таки какие-то признаки добровольности? Оказалось, что в Москве подписалось из такой группы всего только на сумму 8,3 милл. рублей. Первый заем индустриализации дал по «индивидуальной» подписке свыше 32 милл. рублей. В 1927-м году на долю, как говорили казенные отчеты, биржевого капитала причиталось 30 милл. рублей из всей суммы займа в 96 милл. рублей. («Экономич. Жизнь» № 103 за 1927-й год).

3. Среди крестьянства размещение займа признается совершенно неудовлетворительным. По словам «Экономической Жизни» (от 2-го октября) наиболее сознательное отношение к реализации займа проявило население... Якутской области, где реализовано 190,5 процента намеченного плана. По словам журнала «Финансы и народное хозяйство», наиболее энергичная работа по реализации займа в деревне ведется в... Узбекской республике. Замечательное явление! Наиболее осталые окраины... проявляют наибольшую «сознательность»! Не свидетельствует ли это о том, что на окраинах коммунистические становые действуют без особых стеснений?

К каким выводам надо придти при ознакомлении с ходом реализации займа? «Экономическая Жизнь» с грустью признает, что подавляющая часть займа реализована путем коллективной подписки, т. е., иначе говоря, путем принудительным. Во всех тех случаях, где «коллективная подписка» оказалась затруднительной, где нет домкомов, подписка провалилась. Частная подписка совсем сводится к нулю. Советские займы все в большей и большей степени принимают форму чисто принудительного размещения.

А. Марков

ЗНАЙТЕ, ЧТО КАЖДЫЙ ЛИШНИЙ ПОДПИСЧИК ЗДЕСЬ — — НОВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ В РОССИИ

ТАМ и ЗДЕСЬ

«ХИМИЗАЦИЯ» СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

С некоторого времени казенная печать беспрерывно пишет о необходимости поднятия урожайности. В связи с этим вопросом интересно сравнить производство удобрения в России и в западных государствах. Ведь о «химизации» сельского хозяйства в России говорят без конца.

Прежде всего, необходимо указать, что мировое производство искусственного удобрения в настоящее время, по сравнению с 1913-м годом, сильно возросло. Это видно из следующей таблицы:

Производство азота возросло на	59%
поташа чистого	48
суперфосфата	13

В России же производство искусственного удобрения не только не возросло, но уменьшилось по сравнению с 1913-м годом. В 1927-м году, по советским данным, химического удобрения было употреблено всего только до 5,5 милл. пудов, против 20 милл. пудов, употребляемых ежегодно в последние довоенные годы.

В мировой статистике производство химического удобрения СССР обычно не значится. И, действительно, это производство в настоящее время совершенно ничтожно. Так, за август месяц тек. года суперфосфата произведено всего 15,05 тыс. тонн. Исходя из этой цифры, можно считать, что в течение года суперфосфата будет произведено в количестве 180 тыс. тонн. Сравним это производство суперфосфата с производством этого удобрения в других государствах (в тысячах тонн):

СССР (исчисления для текущего года)		180
Германия	(1926-й год)	661
Франция		2.430
Бельгия		766
Италия		1.438
Испания		856
Голландия		547
Соедин. Штаты		3.674

Кроме производства суперфосфата, мировое производство азота в 1925-м году равнялось 1.198,9 тыс. тонн. СССР в этой статистике производства азота значится в рубрике — «другие государства»...

По плановым предположениям, на ближайшее пятилетие, — в 1932-33 году — производство химического удобрения будет доведено до 800 тыс. тонн. Это, конечно, только планы. Насколько они обоснованы, никому, в сущности, неизвестно. Во всяком случае, перед тем, как остановиться на такой цифре, фигурировала другая, а именно производство в 1932-33 году всего только 300 тыс тонн. Но, для того, чтобы показать, насколько даже эти плановые предположения отстают от того, что делается в области производства искусственного удобрения на Западе, мы приведем сравнение этих плановых предположений в СССР с данными о производстве химического удобрения в некоторых государствах в последние годы:

Плановые предположения в СССР (производство в 1932-33 г.), — 800 тысяч тонн. (?).

Производство азота (в 1925 г.) и суперфосфата (в 1926 г.) в главнейших государствах (в тысячах тонн):

Германия	1.033
Англия	598
Бельгия	780
Франция	2.463
Голландия	555

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Всякими правдами и неправдами, а именно бюджетными ассигнованиями, так называемым банковским кредитом в промышленность въ 1928/29 году предполагается влить 2.100 млн. рубл. (по контрольным цифрам). Переведем эту сумму на золото по августовским индексам покупательной способности червонца. В таком случае эта сумма сведется к 777 милл. золот. рублей, или будет равняться 385 милл. долларов (при расчете, конечно, нельзя исходить из фальшивых внешних курсов червонца, а надо определить его внешний курс по его внутренней покупательной способности). Итак, в казенную промышленность, разрушенную, **требующую капитального ремонта, переоборудования, расширения и нового строительства, вливается в теченіе года . . . 385 милл. долларов.**

Как в этом отношении дела обстоят в «отстающих» по «размаху» капиталистических странах? Для ответа на этот вопрос надо обратиться к выпускам (эмиссиям) ценных бумаг (не считая государственных эмиссий). Приведем только данные за июль месяц этого года.

Эмиссии в Соединенных Штатах	350 мил. долл.
Англии	170
Франции	46,2

Это только м е с я ч н ы е эмиссии. Мы не считаем кредитов,

ЛИСТОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

При закрытых дверях

Во всех своих проявлениях, в том числе и в области литературы и искусства, жизнь России протекает как бы при закрытых дверях. Стеной, непроницаемой не только для рядового обывателя, но и для культурного деятеля, отделена Россия от остального мира: стеной обычных границ, необычных паспортов и виз, укрепленной битым стеклом цензуры и отсутствия почтовой тайны, непроницаемой для продуктов европейского духовного творчества. Ввоз идей строго воспрещен; крупицы сведений о достижениях мировой мысли ввозятся лишь специальными агентами, часто людьми невежественными, ввозятся с тщательной просейкой, в своеобразной шлифовке, и то лишь на потребу немногим, «для осведомления». Это — единственная область, в которой «торговый баланс» России складывается с огромным плюсом вывоза.

Такая духовная оторванность приводит к результатам очень печальным. Подрастающее поколение воспитывается в мираже собственных, «советских» достижений. Их нельзя отрицать, — они налицо; простое сопоставление прошлого с настоящим ясно говорит, что раньше доступное единицам делается доступным массам, — конечно, не в области экономической, а именно в области пищи духовной. Но, когда жизнь свершается при закрытых дверях, — невольно утрачивается масштаб достижений и невозможной делается их правильная оценка. Расцветает поразительный провинциализм, наивное самодовольство, смешная убежденность в том, что «наше село больше всякого города».

Мы это ярко наблюдаем решительно во всех областях культуры. При всей стесненности научной работы, все же и русская наука идет вперед; и вот малейшее научное достижение, любое маленькое открытие принимается за мировое откровение, за результат «советского строительства», хотя бы в ходе развития общеевропейской научной мысли оно было едва заметной крупинкой и перепевом уже добытого и сказанного, иногда уже отвергнутого и превзойденного. Еще ярче и отчетливее это в такой области, как литература. На жирном черноземе нового русского быта взошли посевы литературной пшеницы, сразу заглушенные сорной травой. При огромном естественном богатстве — полная бесхозяйственность, гибельная бескультурность, напрасная затрата сил и творческих дарований. Пишется посредственный роман, один из тех, которыми забиты редакции европейских издательств, строгих к культуре стиля, — и этот роман искренно превозносится и считается мировым достижением. По своеобразным условиям русской жизни вышли вперед посредственные мастера слова, сговорчивые в смысле идейном и самоучки в области техники. Оценку их достижений делают такие же посредственные критики, их провинциальные собратья, даже отдаленно не знакомые ни с ходом развития мировых идей, ни с прогрессом литературной техники. Появляются «гении», повторяющие карьеру литературных недорослей, — и лопаются, как мыльные пузыри, потому что силы их хватает только на один выкрик, и творческая энергия их не не питается общением с литературой запада, пусть секудевшей, но в скудости своей — безмерно богатой техническими силами, *а главное — духовно-свободной*. Самобытность — превосходная вещь, но сила русской литературы всегда росла в общении с культурой запада, в духовном состязании с соперником знаемым, изученным, по меньшей мере — равным. Сейчас этого нет, и самоучка рискует оказаться на только отсталым, но и смешным.

С каждым годом Россия все более делается как бы глухой провинцией, культурным недорослем семьи народов. Всякого должно, естественно, радовать, что там, в России, открыт рабочий клуб, дом культуры, библиотека, техническая школа, музей; но как печально смешит провинциальная убежденность, что этим сказано новое слово, что рабочий клуб — советское изобретение, дом культуры — вновь родившаяся идея, библиотека г. Торжка — величайшая в мире, музей — нигде не превзойден. Именно так провинциал думает, что первый шестиэтажный дом придает его уездному отечеству вид Парижа, а каланча счастливо соперничает с Эйфелевой башней. Именно так он восторгается сотней московских автобусов, считая, что только советское государство могло иметь такой размах строительства, и не подозревая, что в буржуазном Париже таких автобусов тысячи, и что их считают устаревшим и неудобным способом передвижения. Госиздат, выпускающий на государственный счет миллионы печатных листов, искренне именуется («с цифрами в руках») величайшим издательством в мире, хотя качественная его продукция такова, что редкое большое европейское издательство согласилось бы поменяться с ним продукцией и даже лаврами; количественная же, для такого государства, как Россия, относительно крайне ничтожна. И то же во всех областях «советских достижений», умалять *относительное* значение которых было бы несправедливостью, но *величие* которых имеет некоторую реальность лишь в пределах собственного домика, лишь за закрытыми дверями.

Не всегда, конечно, будет так. И вот невольно рисуется нам будущее великое разочарование людей, которые выйдут из за закрытых ныне дверей взглянуть с гордостью на мир, — и вдруг увидят, что великое слово, которое они в этот мир несут, — выцветает от времени на европейских заборах, и что сами они — лишь бродячая труппа провинциальных актеров, которую пойдут смотреть, как экзотический курьез, и скоро забудут. Почти нельзя сомневаться, что России, воспитываемой сейчас в самобытности и презрении к Европе, грозит в будущем крайнее западничество, во всяком случае, в области техники искусств и во внешней культуре. Добытое там — быстро усвоится и растворится здесь, в Европе, — добытое здесь — окажется внезапным откровением для человека, вышедшего из сумерек затворенной двери. Ведь не легко, например, будет признаться, что в стране, правительство которой много лет говорило от имени пролетариата, помещение лучшего и образцового рабочего клуба меньше и хуже, чем построенное до революции в каком-нибудь маленьком Базеле, городе крошечной и буржуазной Швейцарии, или что в фашистской Италии, стране культурно отсталой и до диктатора и при нем, все же больше университетов, чем в России, площадь которой до войны превышала Италию в девяносто раз.

Мы никак не хотим преуменьшить того, что со страшными усилиями создается в России ее старыми и новыми культурными деятелями. Мы только указываем на трагическую утрату критерия оценки «достижений», происходящую оттого, что в силу внутренних политических условий жизнь на нашей родине творится *при закрытых дверях*.

оказываемых промышленности банками. Такие эмиссии совершаются промышленностью, находящейся в условиях нормальных, даже переживающей затруднения (С. Штаты и Англия). Что же значат ассигнования советские **из всех источников по сравнению с этими вложениями в промышленность?!**.

Что значит этот советский внутренний «кредит» по сравнению с кредитом государственным за границей? Франция в 1927-м году выпустила всякого рода займов на сумму около **459 милл. долларов**. Если считать государственные и частные эмиссии, то они для 1927-го года составляют сумму в 739 милл. долларов.

В советской же России в 1927/28 году изъято из страны, главным образом средствами принуждения, всего на-всего около (в форме займов) — **120 милл. долларов.**

Приведенные цифры говорят о том, что «размах» велик, но не в советской России, а в капиталистических государствах. В хвосте приходится плестись **не капиталистическому**, а **крепостному** хозяйству.

Слабость человеческая

«Сословный предрассудок» отнюдь не значит — предрассудок сословия дворянского. Меняется жизнь, меняется, хотя бы и внешне, власть класса, — меняется и форма предрассудка.

Прежний «знаменитый человек», приступая к своей автобиографии, не забывал — если имел возможность, — подчеркнуть свое «благородное происхождение», или, по крайней мере, культурную наследственность. В своих воспоминаниях Панаева не без ехидства рассказывает, как Тургенев старался стать «своим человеком» в аристократических кругах Петербурга и как он страдал, что его дворянский род не столь уж высок. Граф Ал. Ник. Толстой, бывший эмигрант, а ныне советский идеолог, с трудом отвоевал судом свое графство, несколько сомнительное, как и фамилию Толстого, которой он в юности не носил. Но времена переменились, — и стало модным «сословным предрассудком» подчеркивать наиболее низкое — по прежним понятиям — происхождение. Говорят, что в одной анкете опрашиваемый на всякий случай написал: «сын рабочего и крестьянина».

Нечто вроде этого читаем в автобиографиях советских писателей (изд. «Совр. Пробл.»). Почти никто не отмечает своего дворянства, — но каждый счастливец подчеркивает сословие нисшее, и подчеркивает старательно. Иному, впрочем, неловко скрыть, и он пишет так: «Отец мой не придерживался общего дворянского обычая строго отграничивать свою жизнь от жизни крестьян»... и пр. (автобиография П. Сухотина). Зато с видимым удовольствием многие пишут: «Отец — сын солдата, мать — мещанка» (М. Горький); «крестьянин Калязинского уезда, Белгородской волости, села Снятина» (М. Волков); «родился в большой семье бедняка крестьянина; отец перешел в ряды городского пролетариата» (Ф. Гладков); «мой прадед — Патрикий — «царев ямщик», дед мой Григорий в навигацию ходил за водолива, отец был паровозным кочегаром» (С. Григорьев); «мой род происходил от новгородской вольницы» (В. Катаев); «отец почему-то был приписан к мещанам, но сидел на земле, мать — настоящая неграмотная крестьянка» (А. Неверов); «родился от крепостных —графа Олсуфьева — родителей» (С. Подъячев); «предки мои — крестьяне», — пишет даже Н. Телешов, московский домовладелец, еще дед которого окончательно поселился в Москве; о «деде крепостном» не забывает упомянуть и Федин, мать которого была дворянкой; на «неблагонадежность» отца, городского учителя, спешит намекнуть Д. Четвериков. И радостно всех побивает низостью происхождения Д. Крептюков, который пишет: «Мать — покрытка, сынок — безбатченко. Сначала — учитель, не то дьяк из кладбищенской церкви, не то тот самый, на долю которого лампадки тушить досталось»...

И рисуется картина (нисколько не желанная): меняются времена, приходят к власти иные люди, меняется политическая мода, — и снова господин без рода будет добиваться фамилии Толстого и графского титула, и снова из архивов полезут доказательства старинного дворянского происхождения тех, кто скромно именовал себя в анкетах «сыном чиновника» и праправнуком крепостного.

Ибо такова слабость человеческая...

Ефим Зозуля

При всей отзывчивости, французы — народ довольно наивный и несклонный к углубленным исследованиям. Немецкий редактор и издатель, желая ознакомить читающую публику с творчеством русских авторов, предварительно изучает русскую литературу, — сам ли, или через своих сотрудников, — и лишь затем делает свой выбор автора автора и произведений. Француз, как это доказано практикой французской переводной литературы, довольствуется случайным указанием и советом первого знакомого русского и знакомого этого знакомого. Но зато он искренне увлекается рекомендованной ему книгой, готов произвести автора в знаменитости и, открыв его, по нем делает свои заключения о всей литературе вообще.

Так происходит, что великим писателем земли русской, на смену Толстому, оказывается для одного серьезного французского издания.... Ефим Зозуля, о котором, вероятно, мало кто из русских слыхал и который в самой России считается маленьким литературным поскребышем. До революции — сотрудник «Южной Мысли», «Нового Сатирикона», «Солнца России», после — таких же, но уже в красный цвет окрашенных, уличных изданий, Ефим Давыдович Зозуля вряд ли и сам когда-нибудь мечтал стать величиной и представителем русской литературы во Франции. Но маленькая дружеская связь довела имя его до сведения французского издателя, и Ефим Зозуля стал знаменит.

Не следует ревновать к нему французских издателей. Но все же удивительно, как во Франции, в Париже, где русских десятки тысяч, а среди них все же могут найтись хоть десятки знающих и умеющих ценить современную российскую литературу, могут происходить такие курьезы.

Не есть ли это следствие того, что русские равнодушны к тому, по каким образцам судит Франция о культурных достижениях их страны. Странно сказать: при столь долгом сожительстве не могла ни в какой форме осуществиться естественная мысль об «интеллектуальном сотрудничестве» французов и русских; начинания в этом направлении были осуществлены (хоть и неудачно) только представителями литературы советской, вернее — оффициальными советскими представителями в Париже. Впрочем, даже и этих не сильно компетентных лиц грешно было бы обвинить в том, что венцом российских творческих достижений в глазах французов, оказался... Ефим Зозуля; скорее всего, тут какое-то непостижимое частное воздействие.

Думается, что даже и в самой России, в литературных ее кругах, такое событие способно пробудить законную веселость.

Биография придворного поэта

Газета «Читатель и Писатель» печатает биографию Демьяна Бедного. Настоящая фамилия придворного поэта — Ефим Придворов (Ефим Лакеевич Придворов, — как назвал его в стихах своих Есенин). В биографии его есть любопытные строки. Так, мы узнаем, что «с первых дней революции 1917-го года Демьян Бедный активный участник большевистских выступлений», причем выступление его заключалось в том, что он «в дни Временного Правительства скрылся в Финляндию». После Октября талант его развернулся с невиданной мощью, и Демьян Бедный переселился в Кремль. Сочинения его распространяются по всей стране в миллионах экземпляров и издаются Госиздатом в 10-ти томах. Специальность придворнаго поэта — разоблачения меньшевиков и кадетов. Бывал Придворов и на фронте гражданском, где он «носился с фронта на фронт, создавая свои агитационные поэмы, боевые марши и батальные песни. Его призывные гимны, яростные, отважные, неукротимые, волнуют и бодрят. Песни его распеваются всеми красноармейцами, комсомольцами, девушками, подростками. Полководцы наперебой приглашают его на фронт, и предреввоенсовета утверждает, что Демьян стоит двух боевых дивизий». Таким образом, по признанию военных властей, одна боевая дивизия стоит, приблизительно, пол-Демьяна.

Узнаем мы также, что «басни Демьяна Бедного много острее и содержательнее басен Крылова», что его «Кузькина мать» — «торжествующая песня величайших побед», что главная его заслуга — «введение политики в сферу поэзии» и, наконец, что он — «наш классик, непревзойденный певец пролетарской революции»...

Ибо придворные бывают разных степеней: младшие воспевают старших, а старшие — самих высоких особ, оказывающих им покровительство и награждающих их орденом красного знамени.

Модные слова

Время от времени в советской печати появляется какое-нибудь модное слово, без которого ни один публицист и фельетонист не пишет больше статьи. Обычно это слова, относящиеся к разряду «портящих язык». Одно время таким словом было употреблявшееся и раньше слово «отображение»; сейчас вошло в моду слово «оформление». Так, например, пишут: «Убогость художественного оформления спектаклей», «предоставленное, но еще недостаточно оформленное (отделанное?) помещение», «спешите оформить коллективную подписку», и даже «входы в метро будут устроены в домах и красиво оформлены». Второе модное слово — «осмысляется» («Это название осмысляется», «появляются совершенно неосмысляемые занозы» и т. п.).

Увы, время сейчас не такое, чтобы тратить его на борьбу с порчей языка! Люди стоят в очередях...

ОТПРАВКА ЖУРНАЛА В РОССИЮ ОБХОДИТСЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ДОРОГО. «ДНИ» РАСЧИТЫВАЮТ В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ ЧИТАТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ

Русское книжное дело „LA SOURCE“ („Родник“)

106, RUE DE LA TOUR. PARIS (16e)

НОВЫЕ КНИГИ:

Т. Полнер. Л. Толстой и его жена. ц. 25 ф.
Ирина Одоевцева. Ангел смерти. 18 ф.
Г. Иванов. Петербургские зимы. ц. 20 ф.
В. Корсак. — Плен. 20.—
В. Корсак. — Забытые. 15.—
Л. Ковarская. — Родн. писатели. 9.—
А. Деникин. — Офицеры. 15.—
И Бунин — Солнечн. удар. 20.—
Омар-Хайям. 10.—
Н. Московский. — Буйн. вымысел. 12.—
Н. Московский. — Рассказы Терпсихоры. 18.—
Учебники — русск. и французск. яз. для всех учебный заведений.

ДЕШЕВОЕ ЧЕШСКОЕ ПЕРО 1 кг.

серого, хорошего, полудраного пера 15 и 18 кч., полубелого, драного кч. 20 и 22 белое пушистое перо драное 25, 30, 40, 50 кч., нежный полупух-перо кч. 60,70,80,90.

От 5 кило высыл. наложен. платежом. Непонравившееся обменяем или деньги возвратим. — Большой прейс-курант бесплатно. — Наилучший источник для покупки.

S. BENIŠ, Praha-Vinohrady
Americká **26-129.**
ЧЕХИЯ

ÉTABLISSEMENTS

J. H. BERRENS

86-88, AVENUE DES TERNES
PARIS (17e)

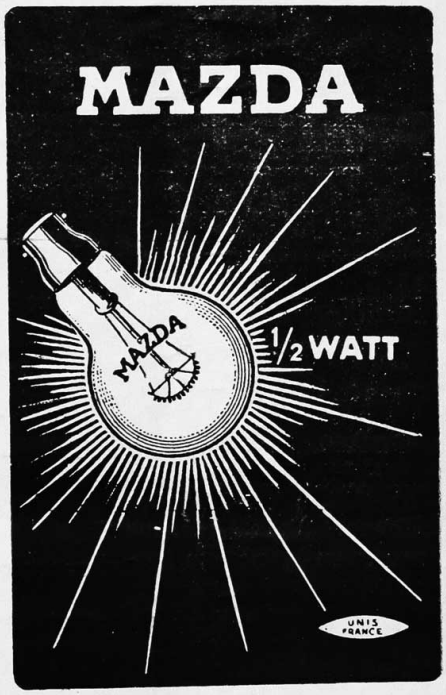
T. S. F.

Лучшие аппараты, дающие возможность слушать

ВСЮ ЕВРОПУ и РОССИЮ

Все принадлежности для радио •• УМЕРЕННЫЕ ЦЕНЫ

Требуйте каталоги -:- Тел.: Wagram 17-33



БАЗАР БЕЛЬЯ TRŽNICE PRÁDLA

И ФАБРИКА БЕЛЬЯ
PRAHA II, TRUHLÁŘSKÁ UL. 21
(ЧЕХО-СЛОВАКИЯ)

«Тржница» начала продажу всевозможного дамского, мужского и постельного белья хорошего качества и дешево, — это не распродажа оставшегося запаса белья, а новое, ежедневного изготовления.

ЦЕНЫ:

Мужская рубашка большая, удобная, Кч. 11; 14,50; 19,40; 31.
Мужские кальсоны Кч. 5; 9,20; 14; 22. —
Дамские рубашки Кч. 9; 10; 12; 16,50.
Комбинэ дамское Кч. 16; 25,50; 27,50.
Воротнички твердые мужские Кч. 2,30; 3,50; 5.
Носки мужские Кч. 3,20; 5; 6,50; 7; 8. —
Чулки дамские, Кч. 3,70; 7,50; 9,30; 14.
Передники, фартуки дамск. Кч. 10; 15; 21; 24.
Полотенца Кч. 3; 4,30; 6,70; 7,60.
Рабочие костюмы Кч. 32; 40; 44,60; 46,50.

Воротнички, носовые платки, плащи для шоферов и др., манчестеровые брюки и т. д., а также всевозможное теплое белье и вязаные изделия — очень дешево!

Главная продажа в Праге II, Житная ул. 11.

Пусть каждый из русских убедится в дешевизне наших цен. Кто у нас купит один раз — будет доволен и купит еще.

Покупки высылаем также и почтой. — Пишите по русски.

Наши кассовые блоки будут от 4 — 11 февраля 1929 г. обмениваться на ценные вещи. Сохраните эти блоки!

Часы Michel б. мастер фирмы Калашникова в Москве расширил свой магазин и ателье в новом пом.: 36, Bd Strasbourg. M-ro Chateau d'Eau Tél. Botzaris 46-58

ПОЧИНКА ЧАСОВ. — ПОКУПКА И ПРОДАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ.

УРОКИ

ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА спец. метода для иностранцев. Conversation Граммат. Литература. История.
M-lle Suzane Bouguet, 84, rue Lauriston. (Métro Boissière).

УЧИТЕЛЯ СПЕЦИАЛИСТЫ преподают англ., нем., франц., испанск. — 40 фр. в мес.
ACADEMIE, 27, r. Paradis.

Никакой комиссии! Никакого *reprise*'а!

LUXE

КВАРТИРЫ. Немебл. в 8, 16 и 17 квартал. и магазины
S-te de Castillon, 9, rue d'Aguesseau. (Madeleine).

KB. **1** или **2 КОМН.**, альков, корид., кухня, в.-к. телеф. от **4.000 фр. в год** + **10% charges**, вода, уголь считаются.
61 r. de la Colonie (M-o Italie).

„ДНИ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

выходит по воскресеньям

Главное внимание журнал уделяет информации о России

Корреспонденции и письма из России

Статьи по вопросам внешней и внутренней политики

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:	Цена отд. ном.	в месяц
Во Франции, Чехии и Югославии	2 фр.	6 фр.
В Германии и лимитрофах	50 пф.	2 марки.
В Америке		1 доллар.
В Англии и колониях	6 пенс.	2 шилл.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

„D N I“ 9bis, rue Vineuse, Paris (16e)

Le Gérant : Rosset-Chiot. Imprimérie de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves, 32, rue de Ménilmontant, Paris

сайт-архив эмигрантской прессы

20-е, 30-е года, парижские, берлинские издания и много чего еще

www.Librarium.fr

Друзья, мы никогда не будем продавать pdf-версии журналов или вводить платную подписку на сайте.
Наоборот, будем совершенствовать и улучшать доступ к материалам, делать его простым и удобным.
Вы можете оценить наш труд любой суммой и поддержать дальнейшее развитие проекта.
Спасибо!

Наша почта: opera78@gmail.com

Наш номер счета: 410011470269977